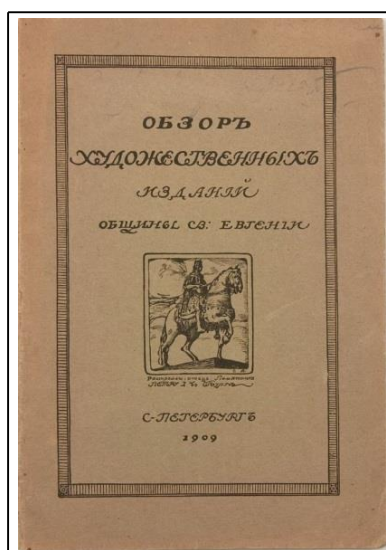

НОЯБРЬ

Обзор художественных изданий Общины Св. Евгении.

1 ноября 1908.

Художественная хроника

Я получил небольшую, изящно изданную книжку. Много рисунков в красках, наклеенных на отдельные листы серой бумаги, ещё больше отпечатанных на меловой бумаге в тексте. Петровский шрифт, красивая печать, на обложке — изображение памятника Петра работы Растрелли-отца, что стоит перед Инженерным замком. В таком виде Красный Крест выпустил «Обзор художественных изданий Общины св. Евгении».

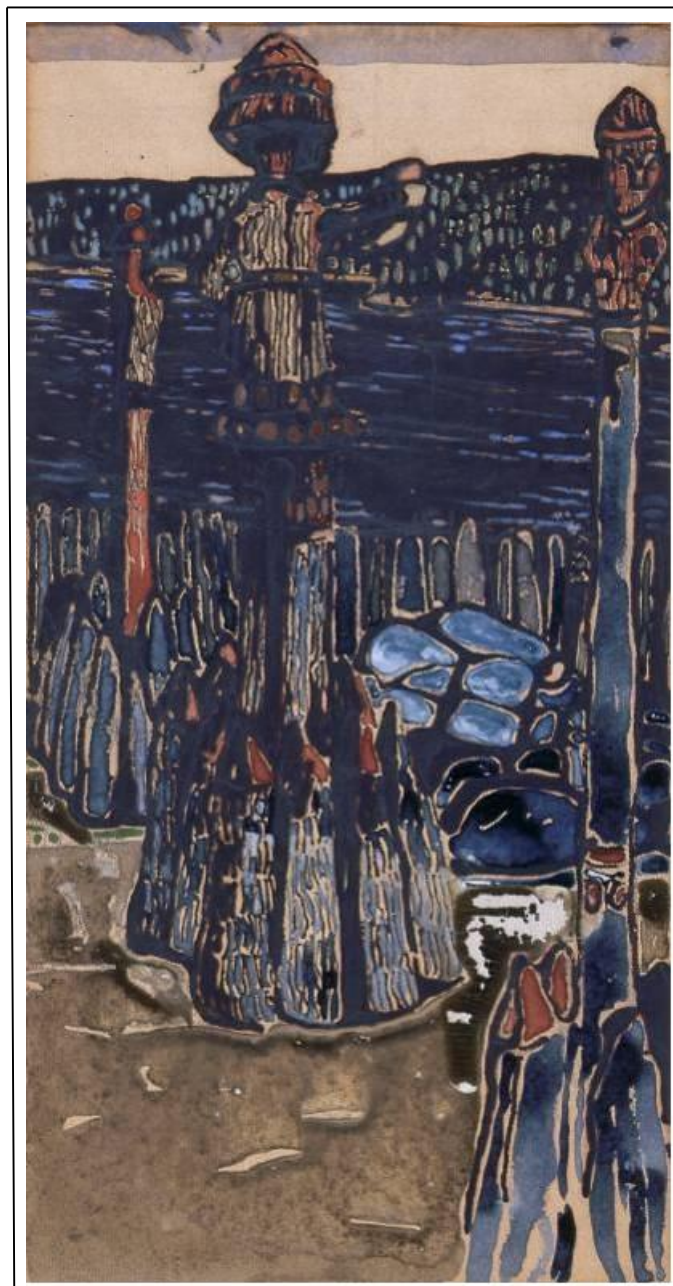
Перелистывая её, знакомясь с развитием и постановкой этой большой работы, нельзя не выразить своего удовольствия по поводу труда, взятого на себя Общиной и с участием наших художников исполненного с большим вкусом. Нужно отдать им справедливость, что за промежуток с 1897 г., когда они выпустили свои первые открытки, это дело у них очень развилось и всё дальше и больше продвигается вперёд. Трудно перечислить всех художников, произведения которых они воспроизвели на открытках и тем самым познакомили огромный круг людей. Начиная с картин и статуй Эрмитажа, Петровской галереи, музея Императора Александра III и кончая серией воспроизведений с картин русских художников всех направлений — всё это издаётся ими с любовью и большим старанием. В названном обзоре помещены открытки в красках с рисунков и этюдов Л. Бакста, раскрашенных гравюр Б. Патерсона (Петербург в конце XVIII века), М. Нестерова, В. Васнецова, А. Остроумовой, И. Репина, К. Сомова, Н. Рериха и И. Билибина.

Благодаря таким открыткам, лица, не обладающие достаточными средствами, всё-таки могут иметь у себя, воспроизведёнными в небольшом формате, все те работы старых и новых художников, которые им нравятся, и которые всегда будут хоть отчасти напоминать хорошие вещи.

Н. Кравченко

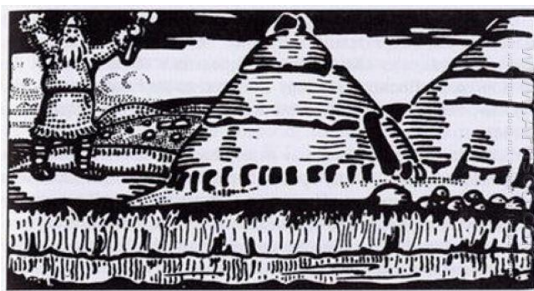
Новое время. 1908. 1/14 ноября. № 11725. С. 13.

6 ноября 1908 г.
Дар Н.К. Рериха Румановой Е.Л.

Идолы. 1901. Бумага, акварель, гуашь. 37 x 19 см. (в паспорту).
Слева внизу на паспорту надпись: **Многоуважаемой Е.Л. Румановой. Н. Рерих. 6 нояб. 1908.**

Начало ноября 1908 г.

Записные листки Н.К. Рериха Лют-Великан

Тема записана по частям в Валдайском уезде.

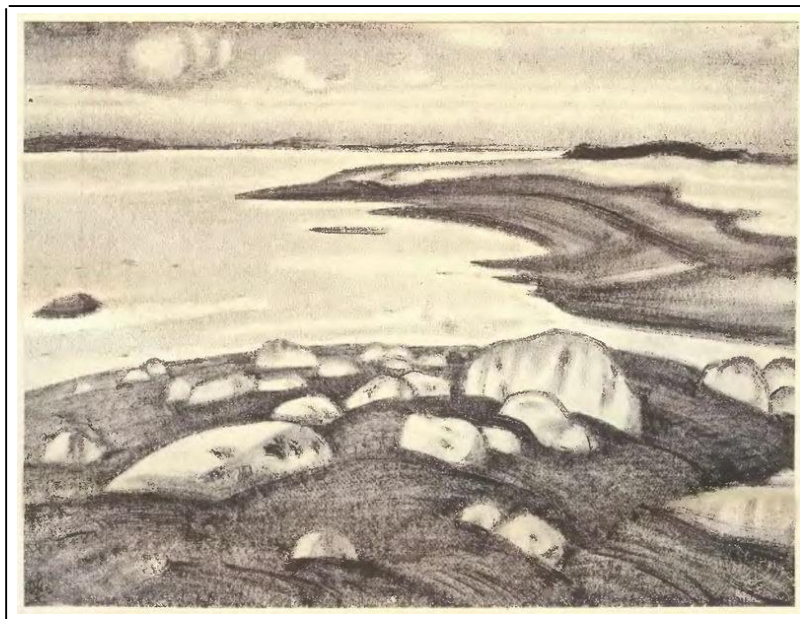
На роге Крикуне под красным бором,
На озере жил Лют-Великан,
Очень сильный, очень большой, только добрый
Лютый зверьё гонял,
Борода у Люта - на семь концов.
Шапка на Люте - во сто песцов.
Кафтан на Люте - серых волков.
Топор у Люта - красный кремень.
Копьё у Люта - белый кремень.
Стрелки у Люта чёрные - приворотливые.
Лютовы братаны за озером жили.
На горе Городке избу срубили.
С Крикуна рога братанам кричал - перешёптывал.
Брату за озеро топор подавал - перекидывал.
С братом за озером охотой ходил;
С братом на озере невод тащил.
С братом за озером пиво варил,
Смолы курил, огонь добывал;
Костры раздувал, с сестрою гулял;
Ходил в гости за озеро.
Шагнул, да не ладно, - стал тонуть;
Завяз великан Лют - по пояс.
Плохо пришлось; собака скакнула
за ним - потонула.
Некому братанов посетить.
Не видать никого и на день ходьбы.
Озеро плескает, ветер шумит,
Осокою сама смерть идёт.
Заглянул великан под облако -
Летит нырь! Крикнул великан:
«Видишь до воды?» —
«Вижу-у», - ответ даёт.
«Скажи братанам: «Тону-у, тону-у!»
Летит нырь далёко.

Кличет нырь звонко:
«Тону-у, тону-у!»
Не знает нырь,
Что кричит про беду.
Не беда нырю на озере.
Озеро доброе! Худо нырю
от лесов, от полей.
Братаны гогочут, ныря не слышат.
Лося в трясине загнали.
Пришли братаны, а Лют потонул.
Сложили могилу длинную,
А для собаки круглую.
Извелась с тоски Лютова сестра за озером,
Покидали великаны горшки в озеро,
Схоронили топоры под кореньями,
Бросили жить великаны в нашем краю.
Живёт нырь на озере издавна.
Птица глупая, птица вещая!
Перепутал нырь клики великановы.
На ведро кричит: «тону-у, тону-у!»
Будто тонет, хлопает крыльями;
Под ненастье гогочет: «го-го, го-го».
Над водою летит, кричит: «вижу-у!»
Знает народ Люто озеро,
Знает могилы длинные -
Длинные могилы великановы.
А длина могилам — тридцать сажений.
Помнят великанов плёсы озёрные.
Знают великанов пенья дубовые.
Великаны снесли камни на могилы.
Прежде разорения Литовского жили великаны.
Как ушли великаны, помнит народ.
Повелось исстари так,
Говорю: было так.

Северное сияние (Москва). 1908. Ноябрь. № 1. С.21-23. Помещены илл. Н.К. Рёриха: с. 21 – рисунок; с. 22 – «Богатырские могилы»; с. 23 - «Могила Великана (Люто-озеро)».

Н.К. Рерих. Могила великана (Люто озеро)

Н.К. Рерих. Могила Великана. (Люто озеро). 1908.

Рукопись из архива Н.К. Рериха (ГТГ):

Л. 14.

На роге крикуне под Красным бором
На озере жил Лют-Великан
Очень сильный, очень большой, -
 только добрый.
Борода у Люта на семь концрв,
Шапка на Люте во сто песцов.
Кафтан у Люта серых волков.
Топор у Люта – красный кремень,
Копье у Люта – белый кремень,
Стрелки у Люта – черные,
 приворотливья.
Лютовы братаны – за озером жили.

С Рога Крикуна братанам кричал

Брату за озеро топор подавал – перекидывал.
С братом за озером охотой ходил,
С братом на озере невод тащил,
С братом на озере пиво варил,
Смóлы курил, с сестрою гулял,
Огонь добывал, костры раздувал,
Ходил в гости за озеро.

Шагнет до берега;
Пошел да не ладно –
Стал тонуть.
Завяз Великан-Лют

Л. 15.

по пояс.
Плохо прищлось.
Собака скакнула за ним –
утонула.
Некому братанам поведить
Не слышать никого и на-день ходьбы

Озеро плескает; ветер шумит
осокою.
Летит нырь.
Крикнул Великан:
«Видишь до воды?»
«Ви-и-жу-у» ответ дает.
«Скажи братанам:
«Тон-у, тон-у!»

Летит нырь далеко,
Слышит гогочут братаны, -
В трясине длося загнали.
Кличет нырь звонко
Тон-у, тон-у!
Не знает нырь, что кричит
про воду.
Не беда нырю на озере
Озеро доброе.
Худо нырю от лесов, ~~от полей~~
от полей!

Братаны грохочут
Ныря не слышат.
Пришли братаны
А Лют потонул.
Сложили могилу – длинную.
А для собаки – круглую.
Извелась и Лютова сестра
за озером.

Л. 16.

Побросали великаны горшки в озеро
Бросили великаны жить в нашем
краю.
Знает народ про Люто озеро.
Знает могилы длинные – великановы.
А длина могил ~~тридцать~~ ^{ам в двадцать} сажений
Нырь живет на озере
С давних дней.
Птица глупая,

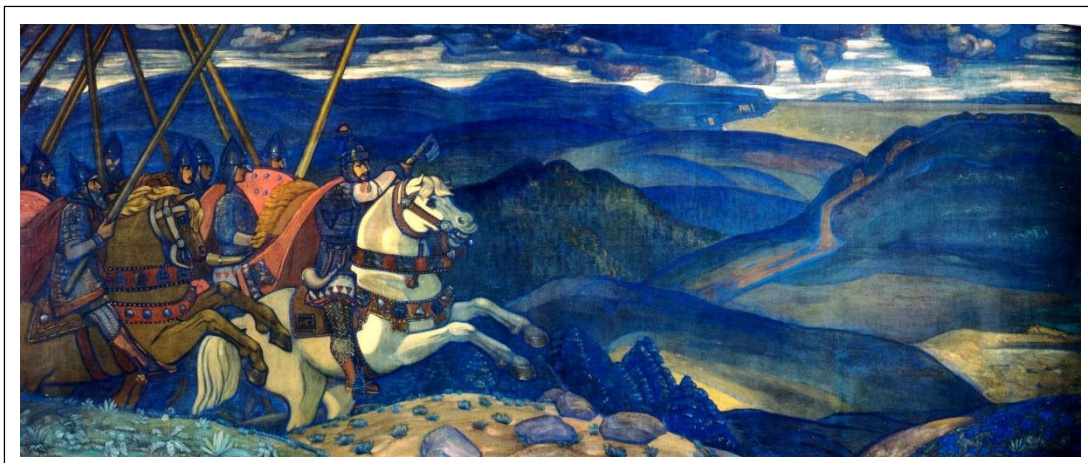
Птица вещая!
Перепутал нырь
Крики великановы
к *стонет*
Он на вёдру кричит
«Тону-у, Тону-у»
Тонет, на воду хлопает
крыльями.
На ненастье гогочет
«Га-га-га».
Над водою летит
Кричит «Вижу!»
Повелось этак издавна.
Истари.

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/55. лл. 14, 15, 16.

8 ноября 1908.

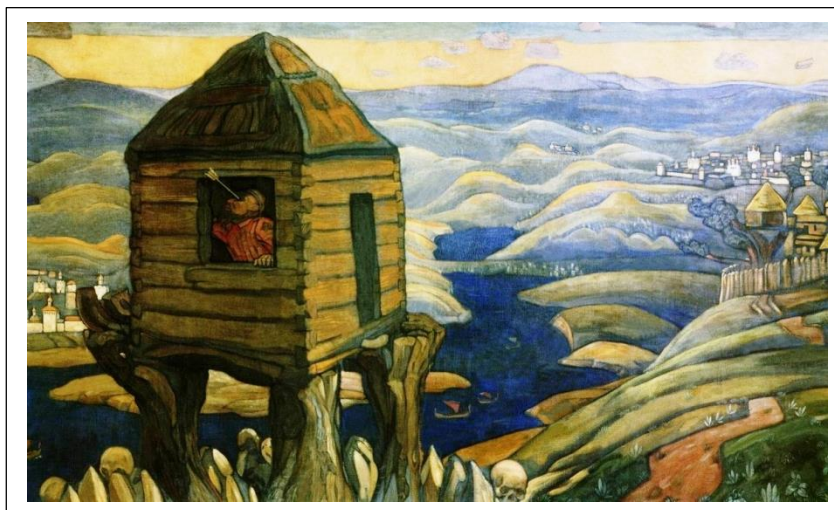
НОВЫЕ КАРТИНЫ РЕРИХА

В мастерской Н. К. Рериха стоят два громадных незаконченных фриза. Известный миллионер Х заказал художнику эти фризы для своей столовой. Талантливый и своеобразный художник взял темой два эпизода древнего эпоса.

Н.К. Рерих. Вольга Святославович. 1908-1909.

На одной картине Вольга Святославович, выезжающий «во чисто поле». Нетронутое, безграничное земляное поле воспринимает в его лице носителя новой культурной силы, которая пересоздаст первобытную стихию земли.

Н.К. Рерих. Соловей-разбойник. 1908-1909.

На другой - Соловей-разбойник, залёгший в Брянских лесах. Лесная гуща, кругом болота, и Соловей, помещающийся в избушке-гнезде - своеобразном строении свайного типа. Картина изображает заключительный момент борьбы Соловья с Ильёй Муромцем.

Картины Рериха будут помещены в этом сезоне на организуемой выставке «Салон».

На выставке будет и ряд других новых работ Н. К. Рериха, и в числе их великолепная картина - Илья-пророк на колеснице, - в которой с редкой красотой передана таинственная жуть зарниц, переговаривающихся между собою — «как демоны-глухонемые».

Биржевые ведомости. 1908. 8/21 ноября. Вечерний выпуск. № 10801. Суббота. С. 5-6.

«Картина «Илья-пророк на колеснице», — в которой с редкой красотой передана таинственная жуть зарниц, переговаривающихся между собою — "как демоны-глухонемые"...

Н.К. Рерих. Илья Пророк. 1907.

11 ноября 1908 г.

Конец Райляниады

На собрании присутствовал впервые Константин Маковский.

- По-моему, позорно и недостойно преследовать подобными печатными выходками такого почтенного человека и большого художника, как Архип Иванович, - высказался Маковский.

Он сидел, как старый лев, крупный, с пепельно-седой гривой, и, слушая все крючкотворства, которыми приспешники Райляна хотели отдалить роковой момент, иронически посмеивался:

- Им бы в полицейской канцелярии прежних времён служить, а не писать картины...

Как-то неожиданное для всех дело повернулось так, что вопрос о «некорректности» Райляна должен был вновь баллотироваться...

Райлян со «слезой» взывал к собранию, что он сделал такого, за что его хотят исключить?..

Подсчитали голоса.

33 голоса высказались - против, 20 - за.

По уставу только двумя третями голосов может быть исключён отвергнутый член кружка. Райлян остался. Его партия похлопала ему... Тогда попросил слово Вроблевский.

- Если господин Райлян продолжает оставаться в Обществе, большинство которого не желает его, - мне остаётся самому избавиться от подобного сочлена и уйти. Я ухожу. С этой минуты я больше не член «Понедельников».

Встал Константин Маковский.

- Раз г. Райлян остаётся здесь, я считаю унижительным для себя дальнейшее пребывание в его обществе.

И, взяв свою меховую шапку, маститый художник покинул зал.

Один за другим ушли из кружка: Рерих, Зарубин, Вагнер, Химона, Белый, академик Бруни, Кумминг, Зейденберг, Эберлинг, Герардов и др. Всех пока ушло 27 человек. Раньше ещё снял с себя полномочия вице-председателя академик Крыжицкий. Частным письмом из-за границы ушёл академик Крачковский. Таким образом, кружок покинуло всё наиболее талантливое и яркое.

В ближайшем будущем ушедшие создадут новое Общество...

Райляниада кончилась. И, слава Богу... Хочется думать, что вместе с нею и кончилась та липкая, удушливая клеветническая грязь, которая так незаслуженно долго, так усердно лилась на газетных столбцах в течение нескольких месяцев...

Довольно...

А некоторые сожалеют:

- Разве уж кончились навсегда эти шумные вечера?.. «Вечера с цыганами» кончились... Кончились...

Биржевые ведомости. 1908. 11/24 ноября. Вечерний выпуск. № 10805. С. 6.

11 ноября 1908.

Суд над художником Райляном в кружке «Понедельник»

На вчерашнем собрании кружка «Понедельник» обсуждался вопрос: «терпимо ли дальнейшее пребывание в Обществе художника Райляна после его некорректного поступка по отношению к художнику Куинджи». <...>

Результат баллотировки был совершенно неожиданным для большинства и встречен был аплодисментами Райляна и его сторонников.

Вслед за тем поднялись художники Вроблевский, К. Маковский, Химона и заявили, что они после такого результата не считают возможным оставаться в Обществе. К ним присоединились художники Рерих, Зарубин и многие другие.

Петербургская газета. 1908. 11 ноября. №311. С. 3.

12 ноября 1908 г.

Эскизы и кроки

Инцидент Куинджи - Райлян окончился...

Хотя не совсем так, как ожидало большинство.

Баллотировка признала «нетерпимым» дальнейшее пребывание г. Райляна в кружке «Понедельники», но устав Общества, в силу которого для исключения нужны две трети голосов, оказался в пользу г. Райляна.

Такой финал грозит кружку «Понедельники» полным распадением.

Около тридцати художников уже заявили о своём выходе из Общества, как только выяснились результаты баллотировки.

Ушли такие художники, как К. Е. Маковский, Н. К. Рерих, В. И. Зарубин, Ю. Ф. Бруни, Н. И. Кравченко, Бухгольц, Столица, Рылов, Цириготти и т. д.

В кружке осталась небольшая горсть, принадлежащая к числу сторонников Райляна...

Вероятно, последний будет избран председателем, что, как говорят, и составляло главную цель всей кампании, затеянной против А. И. Куинджи.

Но кто вернёт кружку «Понедельников» те убытки, которые он понёс за последние четыре вечера, посвящённые специально г. Райляну?

Сколько вдов и сирот художников останутся в этом году без помощи из-за того, что художники занимались красноречием...

Петербургский обозреватель

Петербургская газета. 1908. 12 ноября. № 312. С. 3.

Художественный понедельник

После пяти понедельников, потраченных на обсуждение инцидента с г. Райляном, 10 ноября этот вопрос, так волновавший художественные круги, решён окончательно. Вчерашнее заседание прошло чрезвычайно бурно, и лишь конец его, своей полной неожиданностью, носил несколько более спокойный характер.

В начале заседания некоторые, более мирно настроенные элементы Общества, не желая придавать этому вопросу того страстного характера, кото-

рый он впоследствии принял, предлагали г. Райляну добровольно выбыть из числа членов Общества и тем избавить последнее от тяжёлой обязанности прибегнуть к его исключению.

Г[-н] Райлян в своей защитительной речи заявил, что, во имя справедливости, он требует, чтобы обвинение против него было облечено в более конкретные формы, а не назывались лишь общим словом «некорректность». По его мнению, он критиковал г. Куинджи лишь как профессора, общественного деятеля и художника, отнюдь не касаясь его деятельности как почётного члена и долголетнего председателя Общества «Понедельников».

Председательствовавшим г. Нанием вопрос об исключении г. Райляна из среды членов Общества был поставлен на закрытую баллотировку, в результате которой за оставление г. Райляна высказалось 20 голосов, против - 32 голоса.

Ввиду того, что для исключения члена Общества по уставу требуется 2/3 голосов всех присутствующих, г. Райлян исключён не был.

После объявления результатов баллотировки, г. Вроблевский заявил, что не считает возможным далее оставаться членом Общества и выходит из его состава.

Его примеру последовали: К. Маковский, Ю. Бруни, Н. Кравченко, Н. Рерих, гг. Дженеев, Бунин, Дудин, Химона, Вагнер, Зарубин, Рылов, Максимов, Зейденберг (председатель Общества), Плачек, Наний, Девяткин, Владимиров, Столица, Калмыков, Павлинов, Шмидт, Лейферт, Цириготи, Бухгольц, Плотников, Шлюглейт, Дубенский, Китаев, Всеволожский, Кемминг, Иоффе.

Ожидают, что многие члены Общества, не присутствовавшие в данном заседании, не преминут присоединиться к ушедшим.

Во время перерывов шли оживлённые толки по поводу инцидента с М. П. Боткиным, к которому все присутствовавшие относятся с большим уважением и искренним сочувствием.

Слово. 1908. 12/25 ноября. № 618. С. 4.

13 ноября 1908 г. СПб.

33 художника вышли из кружка «Понедельники»

Как только выяснилось, что Ф. Р. Райлян остаётся членом кружка «Понедельники», из кружка выбыли следующие художники: К. Е. Маковский, Химона, Вроблевский, Кемминг, Дженеев, Бунин, Дудин, Рерих, Вагнер, Зарубин, Рылов, Максимов, Зейденберг, Наний, Белый, Владимиров, Девяткин, Плачек, Столица, Калмыков, Павлинов, Шмидт, Бруни, Лейферт, Цириготи, Бухгольц, Плотников, Шлюглейт, Дубенский, Китаев, Всеволожский, Иоффе, Кравченко.

17 ноября состоится очередное собрание кружка, на котором временный председатель г. Зейденберг сдаст все дела и будут произведены выборы нового председателя, товарища председателя и секретаря.

Петербургская газета. 1908. 13 ноября. №313. С. 4.

14 ноября 1908 г.

Среди архитекторов

11-го ноября собрание Общества архитекторов, состоявшееся под председательством И. С. Китнера, постановило <...>

В заключение гражд. инженер Л. А. Ильин сделал сообщение, иллюстрированное световыми картинками, о русском отделе на архитектурной выставке при Международном съезде зодчих в Вене. Русский отдел пользовался большим успехом. В нём принимали участие: А. В. Щусев, Ал. и Л. Бенуа, В. А. Покровский, Н. К. Рерих, М. М. Перетяткович, А. А. Ильин, Л. М. Браиловский, Л. Л. Шретер и др.

Речь. 1908. 14/27 ноября. № 277. С. 5.

19 ноября 1908 г.

«Русский сезон» в Париже

Парижские газеты уже теперь очень интересуются предстоящими весной спектаклями, организуемыми г. Дягилевым в муниципальном театре «Châtelet». Газеты «Figaro», «Comcedia» и другие поместили обширные статьи с портретами будущих участников этих спектаклей. По тону этих статей, доброжелательному или восторженному - чувствуется, что после «Годунова» общество и печать серьёзно заинтересовались русским искусством.

Вот некоторые подробности об этих спектаклях.

Их будет четыре: два посвящены опере и два — балету. Каждый из них пройдёт пять раз; следовательно, всего будет дано 20 спектаклей. Оперный репертуар составлен из «Князя Игоря» Бородина и «Псковитянки» Римского-Корсакова. Последнюю оперу предложено переименовать в «Ivan 1e Terrible», так как французы очень интересуются исторической личностью грозного царя.

<...> «Игорем» и «Раймондой» будет дирижировать г. Блюменфельд, уже дирижировавший в «Grang Oréga» «Борисом», а «Псковитянкой» и своими балетами — г. Черепнин. Партитуру «Псковитянки» г. Черепнин проходил под руководством самого покойного композитора и детально изучил её. Глазунов будет руководить последними репетициями «Раймонды» и дирижировать первым спектаклем.

Шаляпин выступит в «Псковитянке» в роли Грозного, которая «по плечу его громадному таланту» - по выражению музыкального критика «Figaro» г. Брюсселя. В «Псковитянке» же выступит впервые в Париже молодая и талантливая г-жа Липковская, которую там называют русской Ван-Зандт, «красавицей с очаровательным голосом». Тенор Дамаев выступит в партии Тучи. Дамаев — молодой кубанский казак, ещё год тому назад не помышлявший о сценической карьере. <...> На его дебюте присутствовали Шаляпин, Рахманинов, Дягилев и др. <...> В «Игоре» Шаляпин поёт князя Галицкого и Кончака <...>.

Балетная труппа будет состоять из 70 артистов, приглашённых из петербургского и московского балетов. Во главе труппы: г-жи Кшесинская и Преображенская; Карсавина, Каралли (из Москвы), Кякшт (из Лондона), г. Гердт (роль Абдерахмана в «Раймонде»), г. Нижинский, которого «Figaro» называет «Вестрисом нашего времени» и гг. Мордкин и Козлов (из Москвы). Балетмей-

стерами приглашены гг. Фокин и Горский, оба, по мнению г. Брюсселя, «новаторы хореографии, хореографические импрессионисты, враги тюников, традиционных групп и создатели новой пластики (?)». Балет г. Черепнина будет ставить г. Фокин, а «Раймонду» - г. Горский. Санин по-прежнему будет оперным режиссёром. Декорации к «Псковитянке» будет писать А. Головин, к «Игорю» - гг. Рерих и Коровин, к «Армиде» Ал. Бенуа и к «Жар-Птице» - г. Лансере. Нельзя не сказать, что Дягилев действительно ставит дело русского искусства на очень широкую ногу в Париже.

В. Светлов

*Биржевые ведомости. 1908. 19 ноября / 2 декабря. Вечерний выпуск. № 10819. С. 5-6.
Публикуется с сокр. по изданию: Николай Рерих в русской периодике. Вып. III. СПб. 2006.*

20 ноября 1908 г.

Письмо Н.К. Рериха к Беляеву Ю.Д.

Многоуважаемый Юрий Дмитриевич.

Ваше одобрение моих вещей тронуло меня до глубины души. Вы так чутко отзывались на явления искусства, что слышать от Вас добрые слова для меня особенно дорого. Петербург никогда ко мне особенно симпатий не проявлял и единственно хорошее слышал я из Москвы, а главное из-за границы. В то время, когда в Париже мои вещи приобретали для Люксембурга, и выбирали меня членом Салонов и посвящали номера журналов, в то время Петербург молчал. Молчал Петербург до того, что, когда я просил Головина представить Теляковскому сделанные мною эскизы к Валькирии, Теляковский – культурный директор, даже не сообразил, что ему следует хоть посмотреть эти вещи. Он мог их не принимать, но «полюбопытствовать» он мог бы. Опять же скажу, что меня радует Ваше одобрение эскизов моих к Валькирии; думаю, что из русских художников эта «мистерия» мне, может быть, ближе других. Очевидно, какая-то судьба – начинать мне всё из-за границы. Начнём там Игорем! (Не считаю эскизов к Снегурочке, так как французы их сильно испортили.

После возвращения моих вещей с иностранных выставок (Париж, Лондон, Берлин, Прага, Вена, Дюссельдорф, Венеция, Милан) Вы видели мои картины и этюды один из первых. Верю, что у Вас лёгкая рука и добрый глаз и ещё раз крепко жму Вашу руку. За Ваше хорошее слово.

Искренно предан

Ваш Н. Рерих.

20 Нояб. 1908.

Очень хочу повидать Ваши рисунки, может быть, чем-нибудь обменяемся на память о первой встрече в Совете?

Рукописный отдел ИРЛИ РАН, ф. 24/103 2л.

22 ноября 1908 г. Москва.

ЛЕКЦИИ ПО ИСКУССТВУ И ЛИТЕРАТУРЕ

Небольшой уютный зал в доме Езерского на Тверской-Ямской. На эстраде большой экран и на нём, одна за другой, отражённые волшебным фонарём любопытные картины южнорусских археологических раскопок, превосходные снимки со скифских ваз, оружия, сбруи и украшений, а в то же время, известный историк Н. Г. Тарасов увлекательно рисует рождающуюся на фоне этих скифских могил картину быта и искусства этих первых исторических обитателей русских равнин.

Новая лекция, и на месте скифов широко развёрнутая красота золотого века греческой архитектуры, с пояснениями художника Ноаковского, а затем, увлекательно рассказанная поэтом Стражевым картина зарождения и развития греческой трагедии.

Новый лекционный день, и лектор высших курсов, молодой учёный Шпетт знакомит аудиторию с психологией творчества, или московский художественный критик Сергей Глаголь увлекает слушателей в область различных вопросов эстетики, уступая затем место восторженному В. П. Потёмкину, который рисует картину культурных течений начала XVIII века. Тут же, затем, знаток русской старины археолог Горностаев, приват-доцент Шамбинаго с его историей сцены и т. д.

Таковы впечатления, вынесенные нами из нескольких посещений этой аудитории.

Симпатичное дело с большим будущим, и странно, что публика пока слишком ещё мало им интересуется, тем более, что возможность записи на каждую отдельную лекцию и незначительность платы широко открывает двери этой аудитории.

На днях это учреждение вступает, между прочим, в новую фазу своего развития. Устраивается ряд больших публичных лекций-бесед на темы о проблемах современного театра, о Леониде Андрееве и его творчестве, о пессимизме и оптимизме современных литературных течений и т. п.

Между прочим, ожидается в первых числах декабря лекция приезжающего из Петербурга известного художника Рериха - «Красота древности» (о доисторической культуре и первобытном искусстве) и Вл. И. Немировича-Данченко - о реальном театре.

Столичная молва (Москва). 1908. 22 ноября. №27. С.3.

Н.К. Рерих. Виньетка. 1909.

ДЕКАБРЬ

1 декабря 1908 г. Москва.

Лекции по искусству (Тверская-Ямская. д. Езерского)

Понед., 1 дек. Художник Н.К. Рерих «Красота древности».

Втор., 2 дек. С.К. Шимбинаго «Средневековый театр» (с проекц. фонар.).

Среда, 3 дек. С.В. Ноаковский «Христианское и византийское искусство (проект. фон.)

Четверг, 4 дек. Г.Г. Шпетт, психология «О внимании».

Пятница, 5 дек. М.С. Сергеев, ренессанс «Победа реализма и античности». Массачо Гиберти.

Начало в 8 ч. веч. (Допускается плата на отдельн. лекции, за плату по 50 коп.)

Лекция художника Н.К. Рериха

«На лекциях по искусству» (Тверская-Ямская. д. Езерского). приехавший из Петербурга известный художник Н.К. Рерих сегодня вечером читает лекцию с очень интересной программой на тему «Красота древности». нас просят сообщить, что допускается запись на каждую отдельную лекцию.

Столичная молва (Москва). 1908. 1 декабря № 29. С. 2, 3.

Н.К. Рерих

К ОХРАНИЮ КАРТИН

В английских музеях поражает число предметов, пожертвованных частными лицами. Между тем, какая нация по существу так далека от искусства, как Англия? Французские и немецкие музеи, конечно, радуют тем же, Но особенную зависть в нас, русских, должны побуждать частные приобретения по подписке. В них особенно ясно обозначается, что около искусства имеются друзья. Всякий чувствует, что это не только казённое дело, но дело близкой общественной потребности. Целые корпорации пытаются внести искусство в жизнь.

Теперь в России особенно необходимы приобретения по подписке. Теперь, когда государственные средства напряжены, когда отдельные лица с трудом помышляют о крупном даре для искусства, теперь время выступления частных групп, объединённых желанием спасти ускользающее произведение и сделать его достоянием общим. Двадцать-тридцать человек с лёгкостью могут составить необходимое количество денег. Если автор произведения жив, то, обрадованный, что его вещь нужна для общественного сознания, он, конечно, пойдёт навстречу в условиях.

По всем статьям искусства мы запоздали уже лет на пятнадцать. Возьмём ли картины, возьмём ли архитектуру, возьмём ли народное искусство... Сообразите, сколько вещей за последнее время истреблено, сплавлено на металл, перестроено. Сколько картин, самых задушевных для художников, потемнело

и погубило в старых углах с ненужными вещами. Наконец, сколько вещей попало в ненадёжные слабые руки, где никогда не знаешь, сберегут ли вещь, или вдруг сбродят невесть кому, или подарят слуге. Всё бывает.

Если бы порядок подписки был принят у нас, я убеждён, что лучшие вещи Врубеля были бы доступны для всеобщего восхищения. Наши музеи гордились бы лучшими вещами Сомова, В Русском Музее имелись бы вещи всех так называемых талантливых "молодых" художников, но которым уже больше сорока лет. Словом, было бы на месте многое, что впоследствии всё-таки придётся восстановить - с трудом, с крупными издержками, с утратами.

Группам любителей необходимо приступить к делу. Разве кого-нибудь успокоит то, что Академия тратит ежегодно несколько тысяч на покупки. Академия всегда таковой и останется. Академии всего мира одинаковы. К слову пришлось, боюсь: хватит ли у графа И.И. Толстого энергии сделать, не в пример прочим, свободную академию?

Не думаю, чтобы для основания коллективных покупок требовалось какое-нибудь общество, установленное. Мы мало привыкли к уставной корпоративности. Гораздо ближе к делу свободная группировка. Такое выступление сейчас необходимо.

Мы по-прежнему позорно не стремимся украсить стены публичных зданий и тем сблизить искусство с общественностью. Пусть хоть коллективный почин введёт в народ многие прекрасные вещи, иначе бы пропавшие или от всех долго скрытые.

В мире искусств. Киев, 1908. № 14-16. [Ноябрь - декабрь]

11 декабря 1908 г. Москва
Письмо С.К. Маковского к Н.К. Рериху

☒ САЛОН ☒
☒ ☒ 1908-9 ☒ ☒

С.-Петербург, Гусев переулок, 6.
Сергей Константинович Маковский.
11 Декабря 1908 г.

Дорогой Николай Константинович,
Занят я здесь выше головы. Я даже не предполагал, что могу работать в такой мере или, вернее, без всякой меры. Москва! С одной стороны – козни союзных старцев, с другой - всеми брошенного Ник. Павловича Рябушинского. Вовремя я приехал. Начинались уже всякие гадости. Но в результате трёх дней безумной деятельности и удачи (в таких случаях или фатально везет, или – наоборот) – всё выходит хорошо, сверх ожиданий.

От Сурикова получил (в собств. руки) хороший эскиз к Ермаку (портреты маслом очень плохи). От Васнецова - большой превосходный (для него) этюд к Иоанну Грозному маслом (с поручением передать в Музей Алекс. III). Всё остальное <...> много участников уже дали обещанное и – сверх обещаний.

«Союзники» рвут и мечут. Кроме того, <отыскал> я много неожиданного, совсем интересного. Москва будет представлена на славу. У Щербатого взял твою дивную картину и три <... ..> никому неизвестных Врубеля. Говорил с <... ..> о «Боге». Серов приедет 30-го. Часть его вещей уже <сдана>. Остальное он привезёт сам. Тогда же, следовательно, до открытия он мог бы посмотреть

«Бой» (кот[орым] очень интересуется) уже на выставке, хорошо освещённым и повешенным, (но – до открытия выставки, как ты хочешь).

Пожалуйста, составь подробный список твоих работ и пошли по моему адресу Калашникову – для каталога. Адская работа предстоит и в Питере. Боюсь, как бы не запоздать именно с каталогом. Я приезжаю в Среду. Раньше Вторника нет никакой возможности покончить все дела, которые разрастаются, как снежный мяч.

Крепко жму твою руку и очень уверенно теперь смотрю на моё начинание. Пойдёт хорошо.

Твой Сергей Маковский.

P.S. Если бы ты хотел помочь мне, то заехал бы к Головину. Уж очень он «неверный» человек. Попроси его *немедленно* послать обещанные работы. А М.П.Боткин? Внял ли моим объяснениям?

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/956, 1 л.

20 декабря/ 2 января (нов. ст.) 1908 г. Париж
Письмо Е.К. Четвертинской к Рериху Н.К.

2 Янв. /
20 Дек. 1908 Париж

Многоуважаемый Николай Константинович,

Сейчас был у княгини Карэ (директор комм. оперы), и хотя его декораторы работают для Снегурочки, Княгиня его уверила, что без помощи русских “Maquelles” трудно им будет вдохновиться, а потому Княгиня желала бы их заказать вам и Малютину. Вам пролог и действия III и IV, а ему I и II т.е. Берендевичину. Возможно ли это скоро сделать? Можете ли сговориться с Малютиным и на каких условиях – словом, напишите всё, что думаете.

Пишу я вам вместо Княгини, т.к. её рука устала. Насколько я помню, Малютин всегда требует, чтоб его chaquelles были выставлены в Faуе – этого Княгиня, вероятно, достигнет, но едва ли на афише. Княгиня даже говорила Карэ, что она закажет это для себя. Малютин, вероятно, захочет, чтобы Княгиня ему сама написала; она это сделает с удовольствием и пришлёт вам письмо. как вы посоветуете.

Прилагаю при сём вырезку из Figaro того самого Брюсселя, которого Дягилев таскал по всему Петербургу. Ясно видно, что они только Коровина выставляют как декоратора.

Многие спрашивают, почему Дягилеву поручают ставить оперы, и ответ на это следующий - чтобы ему доставить удовольствие и кое-что другое. Затем говорят, что Шаляпин будет петь, а остальные подпевать, а для Коровина будут подрисовывать! Конечно, всё это не без добрых советов Бенуа, который подготовит критику на всех языках. Итак, союз Коровин – Шаляпин (они даже вместе дачу выстроили) и Дягилев-Бенуа К.Ш.Д.Б. (каша Дягилев – Бенуа). Будущие директора и властелины Императорских театров с благословением В.К. Влад.!

Шлём привет,

Е. Четвертинская.

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/1474, 2 л.

[20 декабря 1908 г.] / 2 Января 1909 г. Париж
Письмо М.К. Тенишевой к Рериху Н.К.

[Герб]

2 Янв./ 20 Дек. 1908 Париж

Добрейший Николай Константинович,
Что делать, верно, не судьба мне дебютировать в России. Что я не делала, как не горячилась, справиться не могла в такой короткий срок. Не надо забывать, что у меня едва хватит время, чтобы окончить начатую работу, важно исполнить эту трудную задачу, не боясь за то, что срок близится, с такими мыслями только нервничаешь, и это отражается на деле.

Действительно, я за это время страшно заработалась, но ведь это моё единственное счастье. Я достигла Красный цвет, и на одной из моих вещей он появится в Парижском салоне. Желаю вам от души успеха, а ещё желаю, чтобы собаки не слишком вас рвали. Говорят, «большому кораблю большое и плавание», т.е., много хорошего, трудного и тоже много неприятного. Не знаю, а я так, так устала от неприятного, что, кажется, хотелось бы лучше остаться крошечным яликом, а, может быть, и у яликов тоже много затруднений и неприятностей.

Мне очень скучно без ваших картин, стены такие голые, белые, как-то душат глаз. *Не уступите ли вы мне вашу большую картину «Идолы».* Если вы продадите её в какой-нибудь музей, я буду рада, а если она попадёт в частные руки, я буду очень жалеть.

Прошу вас передать Елене Ивановне мой привет. Жму вашу руку.

М. Тенишева

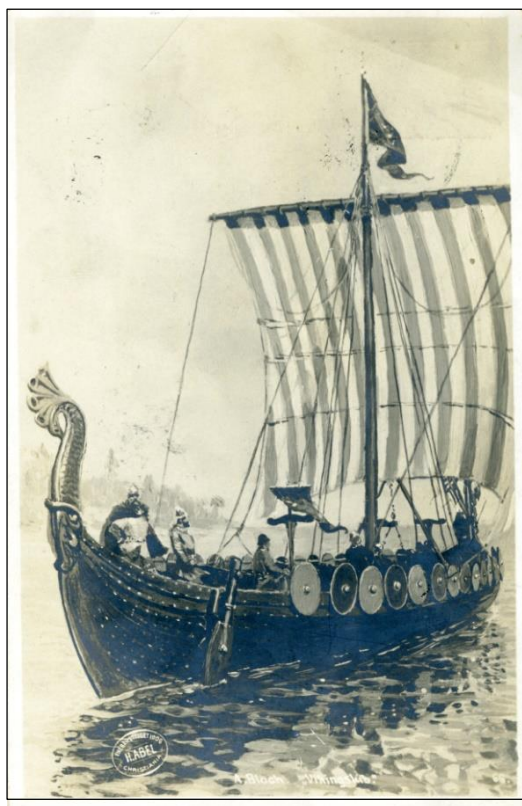
Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/1390, 2 л.

Н.К. Рерих. Идолы. 1901.
(Поступила в ГРМ от М.К. Тенишевой в 1910 г.)

(Б/д. [декабрь] 1908 г.)

Открытое письмо Марии, Ольги и Николая Путятиных к Рериху Н.К.

Надпись на открытке: А. Bloch. "Vikingskib".

BRENKORT
Curte postale

Здесь.
Мойка № 83.
Его Высокородию
Николаю Константиновичу Рериху.

Сердечный привет и поздравление на Праздник Рождества Христова и наступление Нового Года.

Искренние пожелания Вам и Елене Ивановне Доброго здоровья и благоденствия.

Мария, Ольга и Николай Путятины.

Отдел рукописей ГТГ, ф.44/1159, 1л.

Наше искусство очистим ли? Что возьмём? Куда обратимся? – К новым ли перетолкованиям классицизма? Или сойдём до античных источников? Или углубимся в бездны примитивизма? Или искусство наше найдёт новый светлый путь «неонационализма», овеянный священными травами Индии, крепкий чарами финскими, высокий взлётами мысли так называемого «славянства»? Сейчас ещё не остановлюсь на, может быть, загадочном слове «неонационализм». Нужны дела, - ещё рано писать манифест этому слову. Всех нас бесконечно волнует – откуда придёт радость будущего искусства? Радость искусства – о ней мы забыли – идёт. В последних исканиях мы чувствуем шаги этой радости.

Среди достижений выдвигается одно счастливое явление. С особенной остротой вырастает сознание о настоящей «декоративности». О декоративности, как единственном пути и начале настоящего искусства. Таким образом, опять очищается мысль о назначении искусства – *украшать*. Украшать жизнь так, чтобы художник и зритель, мастер и пользующийся объединялись экстазом творчества и хоть на мгновение ликовали чистой радостью искусства.

Можно мечтать, что именно исканиями нашего времени будут отброшены мёртвые приатки искусства, навязанные ему в прошлом веке. В массах слово *украшать* будто получает опять обновлённое значение. Из порабощённого, служащего искусство вновь может обратиться в первого двигателя всей жизни.

Драгоценно то, что культурная часть общества именно теперь особенно настойчиво стремится узнавать прошлое искусства. И, погружаясь в лучшие родники творчества, общество вновь поймёт всё великое значение с лова «*украшать*». В огне желаний радости – залог будущих ярких достижений. Достижения эти сольются в апофеозе какого-то нового стиля, сейчас немыслимого. Этот стиль даст какую-то эпоху, нам совершенно неведомую. Эпоху, по глубине радости, конечно, близкую первым лучшим началам искусства. Машины будущего – искусству не страшны. Цветы не расцветают на льдах и на камне. Для того чтобы сковалась стройная эпоха творчества, нужно, чтобы вслед за художниками всё общество приняло участие в постройке храма. Не холодными зрителями должны быть все люди, но сотрудниками работы. Такое мысленное творчество освятит все проявления жизни и будет тем ценным покровом холодных камней, без которого корни цветов высыхают.

Пусть будет так, пусть все опять научатся радости.

Судьба обращает нас к началам искусства. Всем хочется заглянуть вглубь, туда, где сумрак прошлого озаряется сверканьем истинных украшений. Украшений, повторенных много раз в разные времена, то роскошных, то скромных и великих только чистотой мысли, их создавшей.

Счастливое прошлое есть у всякой страны, есть у всякого места. Радость искусства была суждена всем. С любой точки земли человек мог к красоте прикоснуться.

Не будем слишком долго говорить о том, почему мы сейчас почти разучились радоваться искусству. Не будем слишком мечтать о тех дворцах света и красоты, где искусство делается действительно нужным. Теперь мы должны посмотреть, когда именно бывала радость искусства и на наших землях. Для будущего строительства эти старые вехи сделаются опять нужными.

Не останавливаясь на обычных исторических станциях, мы пройдем поступью любителя к началам искусства. Пройдем не к позднейшим отражениям, а туда – к действительным началам. Посмотрим, насколько эти начала близки нашей душе. Попробуем решить, если бы мы, такие как есть, могли переместиться в разные далёкие века, то насколько бы мы почувствовали себя близкими в них бывшему искусству. Гениальных детей или мудрецов можем мы увидеть? Не будем описывать отдельных предметов, не будем их измерять и объяснять. Такие навязанные измерения могут обидеть их прежних авторов и владельцев.

Сейчас нам нужно наметить главные вехи радости искусства. Не измерение, а впечатление нужно в искусстве. Без боязни преэминентности строго сохраним принцип, что красивое, замечательное, благородное всегда таким и останется, несмотря ни на что. ~~Клевета не страшна~~. Согласимся отбросить всё узконациональное. Оставим зипуны и мормолки. Кроме балагана, кроме привязанных бород и переодеваний, вспомним, была ли красота в той жизни, которая протекала именно по нашим территориям.

Нам есть что вспомнить ценного в глазах всего мира.

Минуем отступления и заблуждения в искусстве, которыми полно ещё недавнее прошлое. Многие постороннее, что успело в силу нехудожественного принципа войти в искусство, нужно суметь забыть поскорее. Желая радоваться, мы не должны останавливаться на порицаниях. И без того, когда говорят о современном искусстве, то больше обращают внимание на тёмные, нежели на радостные стороны дела. В чрезмерных занятиях порицаниями чувствуется молодость России. В то время, как Запад спешит мимо маловажных вещей к замечательному, мы особенно усидчиво остаёмся перед тем, что нам почему-либо не нравится. При этом «почему-либо» выходит за всякие возможные пределы, и слишком часто мы легкомысленно говорим о личностях, тем самым попирая дело. В таком проявлении молодости никто, конечно, не сознается, но факт остаётся непреложным: для сознания значения и полезности нам всё ещё необходима утрата. Один из последних ужасающих примеров: Врубель, избранный академиком только после слепоты для искусства, малопризнанный критикой, пока болезнь не остановила рост его искусства. Сами того не замечая, многие слишком думают о том, как бы уничтожить, а не о том, как создать. Поспешим к радостям искусства.

Поспешим в трогательные тридцатые годы. Мысленно полюбуемся на прекрасные, благородные расцветы Александровского времени. Восхитимся пышным, истинно декоративным блеском времени Екатерины и Елизаветы. Изумимся непостижимым совмещениям Петровской эпохи. По счастью, от этих времён сохранилось ещё очень многое, и они легче других доступны для изучений и наблюдений. Сейчас мы имеем таких исключительных выразителей этих эпох. Пройдём же туда, где ещё так недавно искусство считалось только порабощённым, скромным служителем церкви.

Думая о старине, мы должны помнить, что настоящее понимание допетровской Руси испорчено. Чтобы вынести оттуда не петушиный стиль, чтобы не вспомнить только о дуге и рукавицах, надо брать одни первоисточники. Все перетолкования прошлого века должны быть забыты. Церковь и дом северного края мы должны взять не из чертежа профессора, а из природы, может быть, даже скорее из скромного этюда ученика, который не решился «по-своему» исправить своеобразное выражение старины. Богатство царских покоев – не из акварелей Солнцева, а только мысленно перенося в жизнь сокровища Оружейной палаты. Если сейчас мы вспомним архитектурный музей Академии Художеств, то ужаснёмся, по каким образцам ученики вынуждены узнавать интересное прошлое и чем эти образцы и теперь пополняются. Сознаемся, что в допетровской Руси среди драгоценностей, одежд, тканей и оружия много европейской красоты. Всё это настоящим способом декоративно.

Как магически декоративны Чудотворные лики! Какое постижение строгой силуэтности и чувство меры в стеснённых фонах. Лик – грозный, Лик – благодостный, Лик – радостный, Лик – печальный, Лик – милостивый, Лик – всемогущий.

Всё тот же Лик, спокойный чертами, бездонный красками, великий впечатлением, – Чудотворный.

Только недавно осмелились взглянуть на иконы, не нарушая их значения, со стороны чистой красоты; только недавно рассмотрели в иконах и стенописях не грубые, неумелые изображения, а великое декоративное чутьё, овладевавшее даже огромными плоскостями. Может быть, даже бессознательно авторы фресок пришли к чудесной декорации. Близость этих композиций к настоящей декоративности мы мало ещё умеем различать, хотя и любим исследовать черты, и детали, и завитки орна-

мента старинной работы. Какой холод наполняет часто эти исследования! Иногда, слушая рассуждения так называемых «специалистов», даже желаешь гибели самых неповинных прекрасных предметов; если они могли вызвать такие противоположные суждения, то пусть лучше погибнут.

В ярких стальных покрытиях храмов Ярославля и Ростова какая смелость красочных выражений!

Осмотрите в храме Ивана Предтечи в Ярославле. Какие чудеснейшие краски вас окружают! Как смело сочетались лазоревые воздушнейшие тона с красивой охрой! Как легка изумрудно-серая зелень и как у места на ней красноватые и коричневые одежды! По тепловатому светлomu фону летят грозные архангелы с густыми жёлтыми сияниями, и белые их хитоны чуть холоднее фона. Нигде не беспокоит глаз золото, венчики светятся одной охрой. Стены эти – тончайшая шелковистая ткань, достойная одевать великий Дом Предтечи!

Или вспомните тепловатый победный тон церкви Ильи Пророка! Или, наконец, перенеситесь в лабиринт ростовских переходов, где каждая открытая дверка поражает вас неожиданным стройным аккордом красок. Или на пепельно-белых стенах сквозят чуть видными тонами образы; или пышет на вас жар коричневых и раскалённо-красных тонов; или успокаивает задумчивая синяя празелень; или как бы суровым словом канона останавливает вас серыми тенями образ, залитый охрой.

Вы верите, что это так должно было быть, что сделалось это не случайно; и кажется вам, что и вы не случайно зашли в этот Дом Божий и что эта красота ещё много раз будет нужна вам в вашей будущей жизни.

Писались эти прекрасные вещи не как-нибудь зря, а так, чтобы «предстоящимъ мнѣ бы на небеси стояти предъ лица самихъ первообразныхъ». Главное в том, что работа делалась «льпо, честно, съ достойнымъ украшеніемъ, приличнымъ разборомъ художества».

Писали Иверскую икону, обливали святою водою, с великим дерзновением служили Божественную литургию, мешали св. воду, и св. мощи с красками; живописец только по субботам и воскресеньям получал пищу; велик экстаз создания древней иконы и счастье, когда выпадал он на долю природного художника, понявшего красоту векового образа.

Прекрасные заветы великих итальянцев в чисто декоративной перифразе слышатся в работе русских артелей; татарщина внесла в русскую кисть капризность Востока. Горестно, когда многие следы старого творчества поновляются не по драгоценным преданиям.

В царском периоде Руси мы ясно видим чистую декоративность. Строительство в храмах, палатах и частных домиках даёт прекрасные образцы понимания пропорций и чувства меры в украшениях. Здесь спорить не о чем!

Бесконечно изумляешься благородству искусства и быта Новгорода и Пскова, выросших на «великом пути», напитавшихся лучшими соками ганзейской культуры. Голова льва на монетах Новгорода, так схожая со львом св. Марка, не была ли мечтою о далёкой царице морей – Венеции? (Символика монетных изображений даст большие неожиданности. Нумизматика тоже ждёт своего художника.) Когда вы вспоминаете расписные фасады старых ганзейских городов, не кажется ли вам, что и белые строения Новгорода могли быть украшены забавною росписью?

Великий Новгород, мудрый беспредельными набегами своей вольницы, скрыл сейчас от случайного прохожего свой прежний лик, но на представлении о славе новгородской не лежит никаких тёмных пятен. Представление о Новгороде далеко от тех предвзятых затемнений, которые время набросило на русскую татарщину.

Из татарщины, как из эпохи ненавистной, время истребило целые страницы прекрасных и тонких украшений Востока, которые внесли на Русь монголы.

О татарщине остались воспоминания только как о каких-то мрачных погромах. Забывается, что таинственная колыбель Азии вскормила этих диковинных людей и повела их богатыми дарами Китая, Тибета, всего Индостана. В блеске татарских ме-

чей Русь вновь слушала сказку о чудесах, которые когда-то знали хитрые арабские гости Великого Пути в Греки.

Монгольские летописи, повести иностранных посольств толкуют о непостижимом смещении суровости и утонченности у великих кочевников. Повести знают, как ханы собирали к ставке своей лучших художников и мастеров.

Кроме установленной всеми учебниками, может быть иная точка зрения на сущность татар. Вспоминая их презрение к побеждённому, к не сумевшему отстоять себя, не покажутся ли символическими многие поступки кочевников? Пир на телах русских князей, высокомерие к вестникам и устрашающие казни взятых в плен? Разве князья своею разъединённостью, взаимными обидами и наговорами или позорным смирением не давали татарам лучших поводов к высокомерию? Если татары, наконец, научили князей упорству, стойкости и объединённости, то они же оставили им татарские признаки власти - шапки и пояса, и внесли в обиход Руси сокровища ковров, вышивок и всяких украшений. Не замечая, взяли татары древнейшие культуры Азии и также невольно, полные презрения ко всему побеждённому, разнесли их по русской равнине.

Не забудем, что кроме песни о татарском полоне, может быть ещё совсем иная песнь: «мы, татары, идём».

Из времён смутных одиноко стоят остатки Суздаля, Владимира и сказочный храм Юрьева-Польского. Не русские руки трудились над этими храмами. Может быть, аланы Андрея Боголюбского?

Если мы боимся вспомнить о татарском огне, то ещё хуже вспоминать, что усобицы князей ещё раньше нарушили обаяние великих созданий Ярослава и Владимира. Русские тараны также били по белым вежам и стенам, которые прежде светились, по словам летописи, «как сыр». И раньше татар начали пустеть триста церквей Киева.

Когда идёшь по равнинам за окраинами Рима, то невозможно себе представить, что именно по этим пустым местам тянулась необъятная, десятиллионная столица цезарей. Даже когда идёшь к Новгороду от Нередицкого Спаса, то дико подумать, что пустое поле было всё занято шумом ганзейского города. Нам почти невозможно представить себе великолепие Киева, где достойно принимал Ярослав всех чужестранцев. Сотни храмов блестели мозаикой и стенописью, скудные обрывки церковных декораций Киева; обрывки стенописи в новгородской Софии; величественный одинокий Нередицкий Спас; части росписи Мирожского монастыря во Пскове... Все эти огромные большею частью с лицами и одеждами, очерченными действительными декораторами, всё-таки не в силах рассказать нам о расцвете Киева времён Ярослава.

Минувшим летом в Киеве, в местности Десятиной церкви, сделано замечательное открытие: в частной усадьбе найдены остатки каких-то палат, груды костей, обломки фресок, изразцов и мелкие вещи. Думают, что это остатки дворцов Владимира или Ярослава. Нецерковных украшений от построек этой поры мы ведь почти не знаем, и потому тем ценнее мелкие фрагменты фресок, пока найденные в развалинах. В Археологической Комиссии я видел доставленные части фрески. Часть женской фигуры, голова и грудь. Художественная малоазийского характера работа. Ещё раз подтверждается, насколько мало мы знаем частную жизнь Киевского периода. Остатки стен сложены из красного шифера, связанного известью. Техника кладки говорит о каком-то технически типичном характере постройки. Горячий порыв строительства всегда вызывал какой-нибудь специальный приём. Думаю, палата Рогеров в Палермо даёт представление о палатах Киева.

Скандинавская стальная культура, униженная сокровищами Византии, дала Киев, тот Киев, из-за которого потом восставали брат на брата, который по традиции долго считался матерью городов. Поразительные тона эмалей, тонкость и изящество миниатюр, простор и спокойствие храмов, чудеса металлических изделий, обилие тканей, лучшие заветы великого романского стиля дали благородство Киеву. Муж

Ярослава и Владимира тонко чувствовали красоту, иначе всё оставленное ими не было бы так прекрасно.

Вспомним те былины, где народ занимается бытом, где фантазия не расходует-ся только на блеск подвигов. Вот терем:

Около терема булатный тын.
Верхи на тычинках точеные.
Каждая с маковкой — жемчужинкой;
Подворотня - дорог рыбий зуб,
Над воротами икон до семидесяти;
Среди двора терема стоят,
Терема все златоверховатые;
Первыя ворота - вальящетыя,
Средняя ворота - стекольчатые,
Третьи ворота - решетчатые.

В описании этом чудится развитие дакийских построек Траяновой колонны.
Вот всадники:

Платье-то на всех скурлат-сукна,
Все подпоясаны источенками,
Шапки на всех черны мурманки,
Черны мурманки — золоты вершки;
А на ножках сапожки - зелен сафьян,
Носы-то шилом, пяты остры,
Круг носов-носов хоть яйцом прокати,
Под пята-пята воробей пролети”.

Точное описание византийской стенописи.

Вот сам богатырь:

Шелом на шапочке как жар горит;
Ноженки в лапотках семи шелков.
В пяты вставлено по золотому гвоздику,
В носы вплетано по дорогому яхонту.
На плечах шуба черных соболей,
Черных соболей заморских,
Под зеленым рытым бархатом,
А во петелках шелковых вплетены
Все-то божьи птичущки певучие,
А во пуговках злаченных вливаны
Все-то люты змеи, зверушки рыкучие...

Предлагаю на подобное описание посмотреть не со стороны курьёза былинного языка, а по существу. Перед нами детали верные археологически. Перед нами в своеобразном изложении отрывок великой культуры, и народ не дичится её. Эта культура близка сердцу народа; народ без злобы, горделиво о ней высказывается.

Заповедные ловы княжеские, весёлые скоморошья забавы, мудрые опросы гостей во время пиров, достоинство постройки новых городов сплетаются в стройную жизнь. Этой жизни прилична оправа былин и сказок. Верится, что в Киеве жили мудрые богатыри, знавшие искусство.

«Заложы Ярославъ городъ великій Кыѣвъ, у него же града суть Златая Врата. Заложы же и церковь святыя Софья, митрополью и посемъ церковь на Золотыхъ Воротъхъ святое Богородицъ Благовъщенье, посемъ святаго Георгія монастырь и святыя Ирины. И бѣ Ярославъ любя церковныя уставы и книгамъ прилежа и почитая е часто въ нощи и въ дне и списаша книги многы: съ же насъя книжными словесы

сердца верныхъ людей, а мы пожинаемъ, ученье приѣмлюще книжное. Книги бо суть рѣки, напаяющи вселенную се суть исходища мудрости, книгамъ бо есть неисчетная глубина. Ярославъ же се, любимъ бѣ книгамъ, многы наложи въ церкви святой Софѣи, юже созда самъ; украси ю златомъ и серебромъ и сосуды церковными. Радуется Ярославъ видя множество церквей».

Вот первое известие летописи об искусстве.

Владимир сдвигал массы, Ярослав сложил их во храм и возрадовался об искусстве. Этот момент для старого искусства памятен.

Восторг Ярослава при виде блистательной Софии безмерно далѣк от воплей современного дикаря при виде яркости краски. Это было восхищение культурного человека, почувшего памятник, ценный на многие века. Так было, такому искусству можно завидовать, можно удивляться той культурной жизни, где подобное искусство было нужно.

Не может ли возникнуть вопрос: каким образом Киев в самом начале истории уже оказывается таким исключительным центром культуры и искусства? Ведь Киев создан, будто бы так незадолго до Владимира? Но знаем ли мы хоть что-нибудь о создании Киева? Киев уже прельщал Олега - мужа бывалого и много знавшего. Киев ещё раньше облюбовали Аскольд и Дир. Тогда уже Киев привлекал много скандинавов: «и многи Варяги скуписта и начаста владети Польскою землёю». При этом все данные не против культурности Аскольда и Лира. До Аскольда Киев уже платил дань хозарам, и основание города отодвигается к легендарным Кию, Щеку и Хориву. Не будем презирать и предания. В Киеве будто бы был и апостол - проповедник. Зачем попал в далѣкие леса проповедник? Но появление его становится вполне понятным, если вспомним таинственные, богатые культы Астарты малоазийской, открытые недавно в Киевском крае. Эти культы уже могут перенести нас в XVI - XVII века до нашей эры. И тогда уже для средоточия культа должен бы существовать большой центр.

Можно с радостью сознавать, что весь великий Киев ещё покоится в земле в нетронутых развалинах. Великолепные открытия искусства готовы также и для наших дней. То, что начато сейчас раскопками Хвойко, надо продолжить государству в самых широких размерах. Останавливаемся на исследовании Киева только потому, что в нём почти единственный путь углубить прошлое страны. Эти веки освещают и скандинавский век и дают направление суждениям о времени бронзы.

Несомненно, радость Киевского искусства создалась при счастливом соседстве скандинавской культуры. Почему мы приурочиваем начало русской Скандинавии к легендарному Рюрику? До известия о нём мы имеем слова летописи. Что славяне «изгнаша Варяги за море и не даша им дани»; вот упоминание об изгнании, а когда же было первое прибытие варягов? Вероятно, что скандинавский век может быть продолжен вглубь на неопределимое время.

Как поразительный пример неопределѣнности суждений об этих временах, нужно привести обычную трактовку учебников: «прибыл Рюрик с братьями Синесом и Трувором», что по толкованию северян значит: «конунг Рурик со своим Домом (син хуус) и верною стражею (тру вер)».

Крепость скандинавской культуры в северной Руси утверждает также и последнее толкование финляндцев о загадочной фразе летописи: «земля наша велика...», и т.д., и о посольстве славян. По остроумному предположению, не уличая летописца во лжи, пресловутые признания можно вложить в уста колонистов-скандинавов, обитавших по Волхову. Предположение становится весьма почтенным, и текст признаний перестаёт изумлять.

Бывшая приблизительность суждений, конечно, не может огорчать или пугать искателей; в ней - залог скрытых сейчас блестящих горизонтов!

Глубины северной культуры хватило, чтобы напитать всю Европу своим влиянием на весь X век. Никто не будет спорить, что скандинавский вопрос - один из самых красивых среди задач художественных. Памятники скандинавов особенно стро-

ги и благородны. Долго мы привыкали ждать всё лучшее, всё крепкое с севера. Долго только ладьи с пёстрыми парусами, только резные драконы были вестниками всего особенного, небывалого. Культура северных побережий, богатые находки Гнёздова, Чернигова, Волховские и Верхне-Поволжские - всё говорит нам не о проходной культуре севера, а о полной её оседлости. Весь народ принял её, весь народ верил в неё. И опять нет никакого основания считать северян дикими порабощателями родоначальников Новгорода. Доказательство простое - всё оставленное ими умно и красиво. Они жили неведомо как, но во всяком случае жили долго и жили так, что истинное художество им было близко.

Варяги дали Руси человекообразные божества, а сколько же времени северные народы чтили силы природы, принадлежали одной из самой поэтических религий! Эта религия - колыбель лучших путей творчества.

Здесь кончаются общедоступные картины.

От жизни осталась одна пыль, от целой грозной кольчуги остался комок железа - из него трудно развернуть всю прежнюю её величину, и не знающему трудно поверить, что найден не скучный археологический хлам, а частица бывшей, подлинной прелести. Всему народу пора начать понимать, что искусство не только там было, где оно ясно всем: пора верить, что гораздо большее искусство сейчас скрыто от нас временем. И многое - будто скучное - озарится тогда радостью проникновений, и зритель делается творцом. В этом - прелесть прошлого и будущего.

И человеку, не умеющему понимать прошлое, нельзя мыслить о будущем. Сказочные Hallristningat'ы северных скал, высокие курганы северных путей, длинные мечи, тяжелые фибулы, держащие узорные одежды, заставляют любить северную жизнь. В любви к ней может быть уважение к первооформленному. За эту гранью мы сразу окунаемся в хаос бронзовых патин. Много или мало искусства в неразборчивых временах?

Чужда ли искусству живоотнообразная финская фантазмагория? Трудны ли для художественных толкований формы, зачарованные Востоком? Отвратительны ли в первых руках скифов переделки античного мира? Полно, только ли грубы золотые украшения полуизвестных сибирских кочевников?

Эти находки не только близки искусству, но мы завидуем ясности мысли обобщения исчезнувших народов. Твёрдо и искусно укладывались великие для них символы в бесчисленные варианты вещей. Даже безжалостный спутник металла - штамп - не мог погубить врожденных исканий искусства. В таинственной паутине веков бронзы и меди опасно разбираемся мы. Каждый день приносит новые выводы; каждое приближение к этой груде дает новую букву жизни. Целый ряд блестящих шестивий! Перед глазами ещё сверкает Византия золотом и изумрудом тканей, эмалей, но внимание уже отвлечено.

Мимо нас проходят пёстрые финно-тюрки. Загадочно появляются величественные арийцы. Оставляют потухшие очаги неведомые прохожие... Сколько их! Из их даров складывается синтез действительно неонационализма искусства. К нему теперь обратится многое молодое. В этих проникновениях - залог здорового, сильного потомства. Если вместо притупленного национального течения суждено сложиться обаятельному «неонационализму», то краеугольным его сокровищем будет великая древность, - вернее: правда и красота великой древности.

Ещё полуслепые ищем мы подлинный облик обитателей прекрасных городищ. Ещё не прозревшие чувствуем прелесть покинутых культов природы, о чём совершенно не в силах передать нам древнейшие летописи христианского времени. Звериный обычай жизни, бесовские игрища, будто бы непристойные песни, о которых толкует летописец, подлежат большему обсуждению. Пристрастие духовного лица - летописца - здесь слишком понятно. Церковь не приносила искусство. Церковь на искусстве становилась. И, созидая новые формы, она раздавливала многое, тоже прекрасное.

После скандинавского века всякая достоверность исчезает. Приблизительность доходит до нескольких столетий. Мы только можем знать, что для жизни требовались красивые вещи, но какая была жизнь, какие именно требовались предметы искусства, как верили в это искусство бывшие жители – мы не знаем.

За четыре тысячи пятьсот лет до нашей эры расцветала культура Вавилона; знаем кое-какие буквы её, но сложить сказку из них – пусть попробуют специалисты! Глубины бронзы и меди неразборчивы. Неразборчивы особенно, если мы захотим не сходиться с русских территорий. Греция, Финикия! какие непостижимые следствия должны были они производить среди местных населений. Конечно, если мы упрекали время русской усабицы в понижении смысла украшения, то и в веках бронзы мы, естественно найдём моменты жизни, когда в переходном движении значение искусства затемнялось. Неумелое пользование новым сокровищем – металлом – отодвигало настоящую художественность. Но ведь время тёмных веков железа, бронзы и меди очень длинно. Неясность здесь простительна, тем более, что творчество в одном направлении шло безостановочно, а именно, в творчестве орнамента. Культ священных узоров благодатною паутиною окутывал человечество. Скромная мордовка или черемиска не могут постичь, достояние скольких десятков веков на ней одето сейчас!

Но чувствуем, что штампование жизни кончается. Национальность кончается. Условности политической экономии кончаются, кончается толпа. Не кончается искусство. Выступает какой-то новый человек. Значит, мы подошли к векам камня.

В разных периодах жизни Руси мы видели радость искусства. Чем глубже, тем волны этой радости неожиданнее, раздельнее, но гребни волн были всё-таки высоки. По вершинам этой радости бегло прошли мы всю жизнь. Мы видели, что и после блеска Киева и скандинавского века, понятие «украшать» могло быть столь же чистым, столь же высоким, как и в наиболее блестящие эпохи.

Пусть многие по-прежнему недоверчиво косятся на затемнённую археологию, отрезают её от искусства. Даже самоотверженный любитель не содрогнётся ли от неизвестности при приближении к каменному веку.

Такая древность слишком далека от нашего представления о жизни. Когда вам кажется, что вы поняли часть древнейшей жизни, не думаете ли вы, что безоружным глазом вы точно усмотрели клочок звёздного неба?

Именно радость искусства время сохранило для нас также из эпохи камня.

Забудем сейчас яркое сверканье металла; вспомним все чудесные оттенки камней. Вспомним благородные тона драгоценных мехов. Вспомним патины разноцветного дерева. Вспомним желтеющий тростник. Вспомним тончайшие плетения. Вспомним крепкое, здоровое тело. Эту строгую гамму красок будем вспоминать всё время, пока углубляемся в каменный век.

II.

Уловим ли мы биение всей незапамятной жизни? Или только возможно пока установить точку зрения на такую непомерную древность?

Что слышно оттуда?

«Анге-патей ударила в гнев кремнем. В блестящих искрах создались боги земли и воды, лесов и жилищ. Кончила дело своё Анге-патей и бросила наземь кремень, но и он стал богом: ведь она не отняла от кремня творящую силу. Стал кремень богом приплода, и на дворе или под порогом дома маленькая ямка прикрыта кремневым божком – Кардяс-сярко».

Так, в предании, населила землю богами Ерзя, часть Мордвы.

Сравним эту красивую легенду с преданием Мексики: «на небе Мексиканском был некогда бог Цитлал -Тонак, Звезда Сияющая и богиня Цитлал-Куэ, она, что в рубашке звёздной. Эта звёздная богиня родила странное существо – кремнёвый нож. Другие их дети, поражённые этим странным порождением, сошвырнули его с неба. Кремнёвый нож упал, разбился на мелкие кусочки и среди искр возникли тысяча шестьсот богов и богинь».

Космогония Ерзи не хуже замыслов мексиканских.
«Каменным ножом зарежешь барана», - заповедает жертвенный ритуал Води.

«Громовая стрелка боль облегчает, в родах помогает», - шепчут знахарки.

«Великаны в лесу в каменный топор хоронили», - помнят потомки Еми и Веси...

Много преданий! В каждом племени и сегодня живет таинственная основа «каменного века». Обычай и верования вместе с трудноразличимыми рунами орнамента толкуют все о том же «доисторическом времени». Называем его «доисторическим», хотя оно стоит вовсе не особняком. Наоборот, оно плотно вплетается в эпохи истории; часто питает эти эпохи лучшими силами. Где границы жизни без металлов?

Мы привыкаем искать наше искусство где-то далеко. Понятие наших начал искусства становится почти равнозначимым с обращением к Индии, Монголии, Китаю или к Скандинавии, или к чудовищной фантазии финской. Но, кроме дороги позднейших заносов и отражений, у нас, как у всякого народа, есть еще один общечеловеческий путь – к древнейшему иероглифу жизни и пониманию красоты. Путь через откровения каменного века. Предскажем, что в поисках лучшей жизни человечество не раз вспомнит о Freiherr'ах древности; они были близки природе, они знали красоту её. Они знали то, чего мы не ведаем уже давно.

Цельны движения древнего; строго целесообразны его думы; остро чувство меры и стремления к украшению.

Понимать каменный век как дикую некультурность – будет ошибкой неосведомленности. Ошибкой – обычных школьных путей. В дошедших до нас страницах времени камня нет звериной примитивности. В них чувствуем особую, слишком далекую от нас культуру. Настолько далекую, что с трудом удаётся мысль о ней иным путём, кроме уже избитой дороги – сравнения с дикарями.

Вполне допустимо: загнанные сильными племенами, вымирающие дикари-инородцы с их кремневыми копьями так же похожи на человека каменного века, как идиот похож на мудреца. Осталось несколько общеродовых жестов, но они далеки от настоящего смысла. Человек каменного века родил начала всех блестящих культур, он мог сделать это. От инородца – нет дороги, он даже утрачивает всякую власть над природой.

Но в страхе борьбы, в ошибках достижений затемнился феномен бытия. Культуры разветвились слишком. Дуб всемирного очага разросся безмерно, мы боязливо путаемся в его бесчисленных ветках. В стремлении к чеканке форм жизни мы должны очищать далёкие закрытые корни. И вот мы, кичливые властью металлов, поняли. Только очень недавно поняли: пыльный проходной первый зал музеев не есть печальная необходимость, не есть тёмное пятно родословной. Он есть первейший источник лучших заключений. Мера почтения к нему такова же, как мера удивления перед тайной жизни десятков тысячелетий. Подумайте, десятков!

Площади богатых огромных городов донесли до нас кучу шлаков, несколько обломков бронзы и груды камней. Но мы знаем, что дошедшее до нас – не мерило протекшей жизни. В печальных остатках мы видим усмешку судьбы. Также и жизнь каменного века – не в тех случайных кремневых осколках, которые пока попадают нам в руки. Эти осколки – тоже случайная пыль большой жизни, длинной бесконечно!

Особенная тайна окружает следы каменного века. Ничто иное, но каменные остатки всегда и даже до сих пор относятся к небесному происхождению.

Какие только боги не металы находимые в земле копыя и стрелы!

Не только классический мир не сумел отгадать настоящее происхождение каменных орудий, но и все средние века происхождение их оставалось маловыясненным. Только в новейшее время, в конце XVIII века, немногие учёные узнали истинное происхождение древнейших изделий. Утверждения были скудны, шатки, малоубедительны. Собственно безусловного в постановке дела немного установилось и до сих пор. Из груды относительных суждений почти невозможно выделить те, которым бы не угрожала переоценка. Это неудивительно, ибо если расстояние одного тысячелетия уже колеблет уверенность в одном, даже двух веках, то что же сказать про десят-

ки таких эпох? Куда же идти дальше, если даже ледниковый период остроумно заменяется англичанами какой-то стремительной катастрофой! Вспомним, что все названия древнейших периодов приняты лишь вполне условно, по месту первого случайного нахождения предметов. Можно представить, сколько неожиданностей хранит ещё в себе земля и какие научные перемещения должны возникнуть. Прочие эпохи полны потрясающими примерами.

Научные постройки в пределах древнего камня опасны. Здесь возможны только наблюдения художественные. Слово о красоте древности ничто отодвинуть не может. За этими наблюдениями очередь. Будущее даст только новые доказательства.

Странно подумать, что, быть может, именно заветы каменного царства стоят ближе всего к исканиям нашего времени. То, что определил нам поворот культуры, то самое, чисто и непосредственно, впервые выросло в сознании человека древнейшего. Стремление обдумать всю свою жизнь, остро и строго оформить все её детали, все, от монументальных строительных силуэтов до ручных мелочей, - всё довести до строгой гармонии: эти искания нашего искусства, искания, полные боли, ближе другого напоминают любовные заботы древнего из всего окружающего сделать что-то обдуманное, изукрашенное, обласканное привычной рукою.

По отдельным осколкам доходим до общего. Каждый одиночный предмет нашей жизни говорит об его окружавших вещах. Отлично сработанный наконечник копья говорит о прекрасном древке, к хорошему топору идёт такое же топориче, отпечатки шнуров и сетей свидетельствуют о самых этих вещах. Все мелочи украшений и устройства возводят весь обиход и жилище в известный порядок развития.

Радость жизни разлита в свободном каменном веке. Не голодные, жадные волки последующих времён, но царь лесов - медведь, бережливый в семействе, довольный обилием пищи, могучий и добродушный, быстрый и тяжёлый, свирепый и благостный, достигающий и уступчивый, - таков тип человека каменного века.

Многие народы чтут в медведе человеческого оборотня и окружают его особым культом. В этом звере оценили народы черты первой человеческой жизни. Семья и род, конечно, - основы древнего человека. Он одножён. Ради труда и роста семьи только снисходит он до многоженства. Он ценит детей - продолжателей его творческой жизни. Он живёт сам по себе, ради себя творит и украшает. Мена, щегольство, боязнь одиночества, уже присущие позднему времени камня, не тронули древнего. Общинные начала проникают в быт лишь в неизбежных, свободных действиях охоты, рыбной ловли, постройки.

Нам не нужны сейчас наслоения геологии. Не тронем две первичные эпохи, хотя оставленное ими - кости их страшных обитателей и окаменелости - составляют огромный скелет сказочного для нас мира; он так же близок душе художника, как и изделия рук человека. Допустим условные научные распределения.

Минуем третичный плиоцен с его таинственным предшественником человека. Царство догадок и измышлений! Царапины на костях и удары на кремневых осколках далеки от художественных обсуждений.

Древнейшие эпохи доледниковые - палеолит (шельская, ашельская, мустьерская) уже близки искусству. Человек уже стал царём природы. В чудесных единоборствах меряется он с чудовищами. Уверенными, победоносными ударами высекает он первое своё орудие - клин, заострённый, оббитый с двух сторон. В широких ударах поделки человек символизирует победу свою; мамонты, носороги, слоны, медведи, гигантские олени несут человеку свои шкуры. Каменным скребком (мустье) обрабатывает человек мохнатую добычу свою. Со львом и медведем меняется человек жилищем - пещерою; он смело соседствует с теми, от кого в период «отступлений» он защищается уже сваями. Приходит на ум ещё одна победа - приручение животных. Весёлое время! - время бесчисленных побед.

Движимый чудесными инстинктами гармонии и ритма, человек, наконец, вполне вступает в искусство. В двух последних эпохах палеолита (солютрейская и

мадлэнская) блестящий победитель совершенствует жилище своё и весь свой обиход. Всё наиболее замечательное в жизни одинокого творца принадлежит этому времени.

Множество оленей доставило новый отличный рабочий материал. Из рога изготовлены прекрасные гарпуны, стрелы, иглы, привески, ручки кинжалов... Находим изображения: рисунки и скульптуру из кости. Знаменитая женская фигурка из кости. Каменная Венера Брасемпци. Пещеры носят следы разнообразных украшений. Плафоны нарисованы изображениями животных. В рисунках поражают наблюдательность и верная передача движений. Свободные линии обобщения приближают пещерные рисунки к лучшим рисункам Японии.

Пещеры южной Франции, Испании, Бельгии, Германии (Мадлэнская, Брасемпцийская, Мас-д'Азильская - с древнейшей попыткой живописи минеральными красками, Альтамирская - с необычайно сложным плафоном грота, Таингенская и др.) доставили прекраснейшие образцы несомненной художественности стремлений древнего человека. Чувствуется, что пещеры должны были как-то освещаться; предполагаются подвесные светильники с горящим жиром. Каменные поделки восходят на степень ювелирности. Тончайшие стрелы требуют удивительной точной техники. Собака становится другом человека; на рисунках оленей - одеты недоуздки. Украшения достигают замечательного разнообразия; отделка зубов животных, просверленные камни, раковины. Конечно, мена естественными продуктами постепенно изоцирует результаты творчества человека.

Остатки лакомых и нам раковин, кости птиц и рыб, кости крупных животных с вынутым мозгом - всё это остатки очень разнообразной и вкусной еды обитателей изукрашенных пещер.

Между временем палеолита и неолита часто ощущается что-то неведомое. Влияли ли только климатические условия, сменялись ли неведомые племена, завершала ли свой круг известная многовековая культура, но в жизни народа выступают новые основания. Очарование одиночества кончилось, люди познали прелесть общности. Интересы творчества делаются разнообразнее; богатства духовной крепости, накопленные одинокими предшественниками, ведут к новым достижениям. Новые препятствия отбрасываются новыми средствами; среди черепов многие оказываются раздробленными ударами тяжёлых орудий.

Так вступают в борьбу жизни послеледниковые эпохи. Неолит.

Материки уже не отличаются в очертаниях от нынешних, с тем же климатом. Мамонты вымерли, северные олени перешли к полярному кругу. Скотоводство, земледелие, охота отличают эпохи неолита. Выдвигается новое искусство - гончарство, богато украшенное. Каменные вещи так же дороги, как и в прежние эпохи.

Работая с огнём, человечество натолкнулось на металлы. Неолит может гордиться этим открытием.

Последнее время неолита (эпоха Робенгаузенская); кончина "каменной красоты". Эпоха полированных орудий, время свайных построек, время неолитических городов (Санторин, Мелос, Гиссарлик, старая Троя)...

В многотысячных собраниях предыдущих эпох вы не найдёте ни одного точного повторения вещи. Всё разделено личным умением и потребностями, качеством и количеством материала; в эпоху переходную к металлу вас поразит однообразие форм, их недвижность; чувствуется обесценивание ювелирных каменных вещей - перед неуклюжим куском металла. Энергия творчества обращена на иные стороны жизни. Гончарство также теряет своё разнообразие, и орнаменты иногда нисходят до фабричного штампования тканями и плетениями. Время штампования человеческой души.

Неолит для России особенно интересен. Палеолит (Днепровский и Донской районы) пока не дал чего-нибудь необычного. Неолит же русский и богатством своим, и разнообразием ведёт свою особую дорогу; может быть, именно ему суждено сказать своё новое слово среди принятых условностей. В русском неолите находим все лучшие типы орудий.

Не будем строить предположений о времени каменных периодов. К чему повторять чужие слова о том, что неопределимо? За 4500 лет до Р.Х. уже расцвела культура Вавилона, но в России остатки каменного века имеются даже во времена Ананьинского могильника, после нашей эры.

Балтийские янтари, находимые у нас с кремневыми вещами, не моложе 2000 лет до Р.Х. Площадки богатого таинственного культа в Киевской губернии, где находятся и полированные орудия, по женским статуэткам обращают нас к Астарте Малоазийской в XVI и XVII века до Р.Х.

При Марафоне некоторые отряды ещё стреляли кремневыми стрелами! Так переплетались культуры.

Русский неолит дал груды орудий и обломков гончарства. С трепетом перебираем звонко звенящие кремни и складываем разбитые узоры сосудов. Лучшие силы творчества отдал человек, чтобы создать подавляющее разнообразие вещей.

Особо заметим осколки гончарства. В них - всё будущее распознавание племён и типов работы; только на них дошли до нас орнаменты. Те же украшения богато украшали и одежду, и тело, и разные части деревянных построек, всё то, что время истребило.

Те же орнаменты вошли в эпохи металла. Смотря на родные узоры, вспомним о первобытной древности. Если в искусстве народа мы узнаём остро стилизованную природу, то знаем, что основа использования кристаллами природы выходит чаще всего из древнейших времён, из времён до обособления племён. Сравнения орнаментов легко дают примеры. На вышивках тверских мы знаем мотивы стилизованных оленей; не к подражанию северу, а к древнему распространению оленя, кости которого находим с кремнями, ведёт этот узор. На орнаменте из Коломцев (Новгород) человекообразные фигуры явно напоминают ритуальные фигуры вышивок новгородских и тверских. На гончарной бусе каменного века найдено изображение змеи, подобное древнейшему микенскому слою; змеи народных вышивок - древни.

Труден вопрос орнамента. Все доводы против инстинкта, хотя бы они дошли до ясности галлюцинаций, разбивает сама природа. Разве не поразительно, что сущность украшений одинакова у самых разъединённых существ? Но не гипотезы нам нужны, а факты.

Две основы орнамента - ямка и черта. Чтобы украсить - надо прикоснуться; всякое прикосновение украшателя оставляет то или другое. Соединение этих основ даёт всякие фигуры; от их качества зависит самый характер узора. Из хрупкой глины лепит человек огромные котлы с круглым дном; те же руки дают крошечную чашечку, полную тонких узоров. Работают пальцы, ногти; идёт в дело орнамента всё окружающее: перья, белемниты (чёртовы пальцы), верёвки, плетенья, наконец, выбиваются из камня особые штампы для узоров. Всякий стремится украсить сосуды своим чем-то особенным, сделать их более ценными, более красивыми, более нужными. И трогательно изучать первые славословия древних красоте. Составьте из осколков разные формы сосудов. Изумляйтесь пропорциями их. Смотрите - вся поверхность котла залита ямочками или разбита чертами и всякими фигурами. Человек не знает чем бы украсить, отметить сделанное; из плетений и шнуров он даёт новые узоры. В последнее время каменного века, торопясь производством, он печатает на поверхности сосуда ткань одежды своей.

Но человеку мало разнообразия узоров. Он находит растительные краски, чтобы дать ещё более особенности своему изделию. Целый набор тонов: чёрных, красных, серых и жёлтых. Сосуды красятся сплошь и узорами. Можно представить себе, сколько стремлений древнего разрушено временем, стёрто землёй, смыто водами. Та же спокойная палитра красок цветилась и на одежде, и на волосах, может быть на татуировке, так как мы знаем, что идея татуировки вовсе не принадлежит только дикарям. Стыдно для нашего времени: в древности ни одного предмета без украшений.

Невозможно даже сравнить народный обиход современности нашей с тем, что так настойчиво стремились иметь около себя старые обитатели тех же мест.

К любимым прекрасным вещам приложите каменное орудие - и оно не нарушит общего впечатления. Оно принесёт с собой ноту покоя и благородства. Многие не так думают о древних камнях; не так думают те, кто предвзято не хочет знать достижений первых людей. Снимки в чёрном с каменных орудий ничего не говорят о них, кроме величины; такие снимки мертвят целесообразность предмета; именно они виновны, если нам часто недоступен первый период человечества. Чёрный снимок напоминает о предмете, но слишком редко может дать истинное о нём представление. Почти невозможно изучать камни и в музеях, за двумя запорами витрин. Кроме бедных узников, отягощенных путами, серых от пыли, вы ничего в музее не узнаете.

Если хотите прикоснуться к душе камня - найдите его сами на стоянке; на берегу озера подымите его своей рукой. Камень сам ответит на ваши вопросы, расскажет о длинной жизни своей. Остатки лёса, кора древности, почтенной сединой покрывают камни. Вы не замечаете бывшего их применения: перевёртываете его в руке безуспешно - но идёт на лицо улыбка, вам удалось захватить камень именно так, как приспособил его древний владелец. Именно теми пальцами попадаете вы во все продуманные впадины и бугорки. В руках ваших оживает нужное орудие; вы понимаете всю тонкость, всю скульптурность отделки его. Из-под седины налётов начинает сквозить чудесный тон яшмы или ядеита. В ваших руках кусок красоты!

Чудесные тона красок украшали древки первых людей: кварцы, агаты, яшмы, обсидианы, хлоромеланиты, нефриты; от тёмно-зелёного ядеита до сверкающего горного хрусталя отсвечивало древнее оружие. Прежде всего говорим об оружии; в нём - всё соревнование, в нём - всё щегольство; на него - вся надежда. Пропорции копий, дротиков, стрел равны лучшим пропорциям листьев. Тяжёлое копье, приличное медведю, маленькая стрелка, пригодная перепёлке, - в бесконечном разнообразии выходили из-под рук человека.

Мы плохо различаем орудия. Для нас целая бездна орудий - все так называемые скребки. Но для древнего ясно различались среди них массы орудий, самых различных назначений. Во всех домашних работах скребок - ближайший помощник. Из скребка часто выходят пилка и навёртыш. Острый скребок близок и ножу. Так же как копья, нож часто тонко выработывали с заострённым, загнутым концом.

Кроме всего острого и колющего каменный век сохранил и груды тяжёлых ударных орудий. Клин, долото, топор, молот; где битва и где хозяйство - здесь различить невозможно.

Набор орудий древнего человека обширнее, чем это предполагается. Крючки для ловли, круглые камни, может быть, для метанья; круглые булавы с отверстием; человеко- и животно-образные поделки, быть может, священные. Подвески из зубов, раковин, гончарные бусы, янтарные ожерелья. Костяные иглы, дудки и стрелы. На дне озёрном и речном ещё лежат тёмные стволы дубов; между ними, может быть, найдутся древнейшие лодки. Уже хорошо знали люди водные пути; на челноках с той же смелостью переносились на далёкие пространства, как и скандинавы на ладьях одолевали океан.

Достоинство отделки русского неолита очень высоко. Особенно радует, что можно спокойно сказать: эта оценка не есть «домашнее» восхищение. На последнем доисторическом конгрессе 1905 года. В Перигё (деп. Дордонь) лучшие знатоки французы: Мортилье, Ривьер-де-Прекур, Картальяк и Капитан приветствовали образцы русского неолита восторженными отзывами, поставив его наряду с лучшими классическими поделками Египта. Вообще, если мы хотим с чем-нибудь сравнить форму и пропорции каменных вещей, то лучше всего обратиться к законченностям классического мира.

Смутно представляем себе жилище древнего.

Мы видим древнего не ходульным героем с чреслами, задрапированными обрывками шкур. Мы ощущаем в изделиях его не грубость и неотёсанность, а тонкую

ювелирность. Мы чувствуем, что обычный «печёный» колорит обстановки должен замениться в представлении нашем прекрасными красками¹. Мы ясно предчувствуем, что весь обиход и жилище древнего человека не могут быть полуживыми логовищами и восходят уже к порядкам стройной жизни.

Пещеры исследовались в России, особенно в Польше, но пока никакого особенного устройства в них не найдено. Украшения и рисунки ещё не открыты. В неолите ещё нам известны какие-то неопределённые основания прежних жилищ с ямами очагов. *Fonds des cabanes*. Были ли это простые конические шалаши? Подобия юрт, крытые шкурами, тростниками и мехами? Или устройство их было более основательными? Пока нет утверждения. Но вспомним, что и после обширного дома иногда остаётся только грудка печного кирпича.

Разве основание очага может сказать о прочих размерах жилья?

Остатки свайных жилищ указывают на развитую хозяйственность. Были ли у нас свайные постройки? Пока неизвестно, что они были, конечно. Идея сваи, идея искусственного изолирования жилья над землёю в пределах России существует издавна. Много веков прожили сибирские и уральские «сайвы» - домики на столбах, где охотники скрывают шкуры. В меновой древнейшей торговле такие склады играли большую роль. Здесь мы у большой древности. Погребение по Нестору «на столбах при путях» - избы смерти славянской старины, сказочные избушки на курьих ножках - всё это вращается около идеи свайной постройки. Многочисленные острова на озёрах и реках, конечно, только упрощали устройство изолированных деревень. Жалко, что мы не можем сюда же включить и городища, окопанные валами, расположенными по прекрасным холмам, облюбованным с великим чутьём. Правда, в них находятся и каменные орудия, но ясно, что человек уже владел металлом, а камни - уже случайные «последыши» дедовской жизни.

Ещё нельзя рассказать картину древнейших периодов камня. Палеолит в художественном представлении пока бесформен. Искры его высокого развития пока ещё не связаны с остальными деталями жизни. Но русский палеолит уже входит в картины осязательные.

В последний раз обернёмся в пространство жизни с камнями.

Озеро. При устье реки стоит ряд домов. По утончённой изукрашенности домики не напоминают ли вам жилища Японии, Индии? Прекрасными тонами переливаются жилища, кремни, меха, плетенье, сосуды, темноватое тело. Крыши с высоким «дымом» крыты желтеющими тростниками, шкурами, мехами, переплетены какими-то изумительными плетеньями. Верхи закреплены деревянными *[резанным узором]* узорными пластинами. Память о лучших охотах воткнута на края крыш. Белый череп бережёт от дурного глаза.

Стены домов расписаны орнаментом в жёлтых, красных, белых и чёрных тонах. Очаги внутри и снаружи: над очагами сосуды, прекрасные узорчатые сосуды. Коричневые и серо-чёрные. На берегу - челны и сети. Сети *[сплетали]* сплетены долго и тонко. На сушильнях шкуры: медведи, волки, рыси, лисицы, бобры, соболя, горностаи...

Праздник. Пусть будет это тот праздник, которым всегда праздновали победу весеннего солнца. Когда надолго выходили в леса, любовались цветом деревьев, когда из первых трав делали пахучие венки и украшали ими себя. Когда плясали быстрые пляски, когда хотели нравиться. Когда играли в костяные и деревянные рожки-дудки. В толпе мешались одежды, полные пушных оторочек и плетешек цветных. Переступала красиво убранная плетёная и шкурная обувь. В хороводах мелькали янтарные привески, нашивки, каменные бусы и белые талисманы зубов.

Люди радовались. Среди них начиналось искусство. Они были нам близки. Они, наверное, пели. И песни их были слышны за озером и по всем островам. И жёлтыми пятнами колыхались огромные огни. Около них двигались тёмные точки толпы. Во-

¹ В гранках: *серебристыми рефлексами*

ды, бурные днём, делались тихими и лилово-стальными. И в ночном празднике быстро носились по озеру силуэты челнов.

Ещё недавно вымирающие якуты, костенеющим языком своим, пели о весеннем празднике.

«Эгяй! Сочно-зелёный холм! Зной весенний взыграл! Берёзовый лист развернулся! Шелковистая хвоя зазеленела! Трава в ложбине густеет! Весёлая очередь игр, веселья пора!»

«Закуковала кукушка! Горлица заворковала, орёл заклектал, взлетел жаворонок! Гуси полетели попарно! У кого пёстрые перья - те возвратились; у кого чубы тычинами - те стали в кучу!»

«Те, для кого базаром служит густой лес! Городом - сухой лес! Улицей - вода! Князем - дятел! Старшиною - дрозд! - все громкую речь заведите!» «Верните молодость, пойте без усталости!» Так дословно певали бедные якуты свою весеннюю песнь.

О каменном веке когда-нибудь мы узнаем ещё многое. Мы поймём и оценим справедливо это время. И узанный каменный век скажет нам многое. Скажет то, что только иногда ещё помнит индийская и шаманская мудрость!

Природа подскажет нам многие тайны первоначалья. Ещё многие остатки красоты мы узнаем. Но всё будет молчаливо. Язык не остался. Ни находки, ни фантазия подсказать его не могут. Мы никогда не узнаем, как звучала песнь древнего. Как говорил он о подвиге своём? Каков был клич гнева, охоты, победы? Какими словами радовался древний искусству? Слово умерло навсегда.

Мудрые древние Майя оставили надпись. Ей три тысячи лет:

«Ты, который позднее явишь здесь своё лицо! Если твой ум разумеет, ты спросишь, кто мы? — Кто мы? Спроси зарю, спроси лес, спроси волну, спроси бурю, спроси любовь! Спроси землю, землю страдания и землю любимую! Кто мы? — Мы земля».

Когда чувствовал древний приближение смерти, он думал с великим спокойствием: «отдыхать иду».

Не знаем, как говорили, но так красиво мыслили древние.

1908 г.

Вестник Европы. 1909. апрель. № 4.

Н.К. Рерих. Человечьи праотцы. Эскиз к картине. 1910-1911.

29 декабря 1908 г.
Дар Санину А.А.

Лес. Пролог.

Неосуществленный эскиз к опере Н. А. Римского-Корсакова «Снегурочка» в 1912 году. *Картон, темпера. 48,5 x 63,5 см.*

На обороте надпись: *Дорогому Александру Акимовичу Санину в знак сердечной преданности и дружбы Н Рерих 29 дек. 1908.*

ИНОСТРАННАЯ ПЕЧАТЬ О РУССКОЙ ВЫСТАВКЕ В «SECESSION»'Е

Выставка картин русских художников, устроенная в венском «Sezession»'е, вызвала живейший отклик венской печати. Не было решительно ни одного органа печати, который так или иначе не отозвался на русскую выставку.

<...> Начнём наш обзор с обстоятельной статьи, помещённой в «Kunstchronik» - еженедельном приложении к «Zeitschrift far bildende Kunst», и принадлежащей перу известного художественного критика Людвиг Гевези (Hevesi).

«...Русское искусство имеет, с одной стороны, глубоко внедряющиеся органы, которые прочно сидят в тучной почве своей родины, с другой — оно имеет лёгкие крылья, которые выносят его в пределы, так сказать, четвёртого измерения. Правда, однако, и в том, что даже чисто русская подоплёка художников сильно заражена западным влиянием. Ведь даже своеобразное варварство Петра Великого, как его представил перед всем культурным миром Добужинский, в конце концов, есть отражение Западной школы. И в этом отношении портрет Петра Великого есть символ его народа. Своеобразная двусторонность духовности во всей русской культуре сказывается даже в таком ультранациональном художнике, как Рерих. В какой степени он является европейцем - это становится нам понятным, когда мы читаем его изящный французский текст в книге "Талашкино", в которой он говорит о национальной русской художественной промышленности, возрождаемой кн[ягиней] Тенишевой и её кружком. И обращаясь к его полотнам из эпохи викингов, мы словно погружались в какой-либо скандинавский музей. Он как бы возродил и оснастил вынырнувшую из волн седой древности ладью викингов. Археология, седая былина, этнография, непосредственные исследования и раскопки - всё материал для этого новейшего романтика. И он пытливо глядит далеко назад. Ему мало оглянуться на "деревянную Русь" (реальный образ которой дал на выставке Малютин), его взор ищет ещё дальше, ему нужна совсем доисторическая Россия, и он рисует на глинистых берегах, глинистых землянках совсем эскимосоподобных "Славян на Днепре". Рерих вызывает из тьмы веков сказочные очертания предков современной России, как его финляндский современник

Аксель Галлен заставляет оживать героев Калевалы. Есть нечто притягательное и в высшей степени интересное в этих столько же фантастических, сколько и основанных на реальном изучении, экскурсиях Рериха к доисторическому человеку. <...>

В России, - заканчивает критик, - в настоящее время в художественном мире на первом месте считают Рериха и Серова. Третье место отводят Кустодиеву». <...>

Очень много внимания уделила выставке русских художников газета «Neues Wiener Tagblatt» <...>: «...Рерих обладает настолько своеобразным акцентом, что его речь далеко не так понятна. И всё же Рерих прежде импрессионист, чем достоверный истолкователь национального духа. ...».

Вот перед нами отзыв венской газеты «Deutsches Volksblatt»:

«...Интересные в высшей степени работы Рериха - его искания в области примитивов, его поэтизирование сурового Севера привлекают даже тогда, когда имеешь очень много возражать против общих его художественных приёмов».

<...> «Osterreichische Volks-Zeitung»:

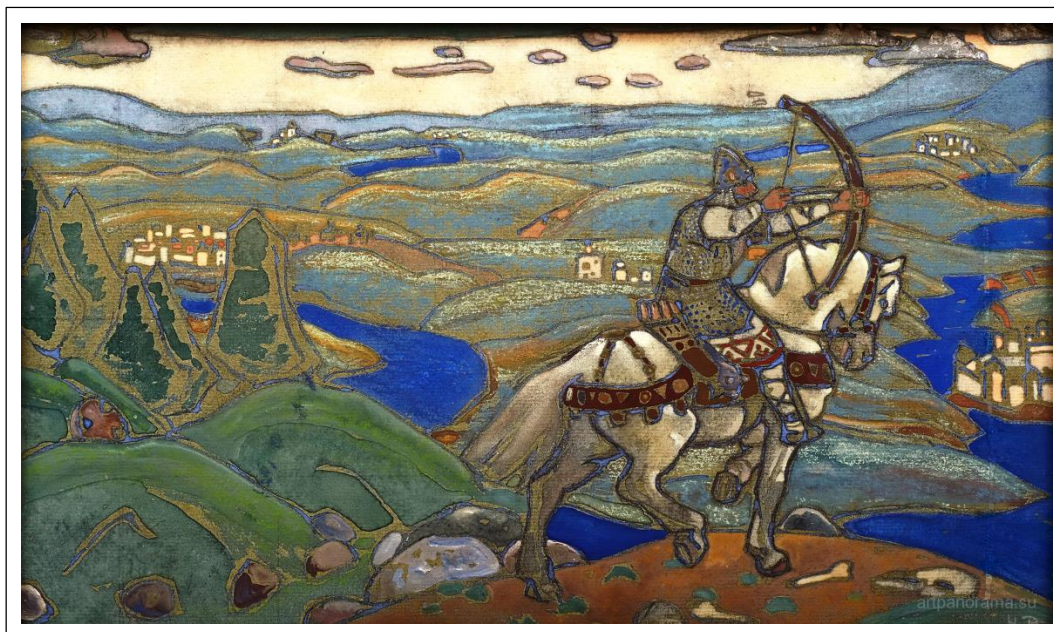
«...Наиболее обращающими на себя внимание полотнами являются: "Богомольцы" Зарубина, грубо натуралистически^] семейный портрет Кустодиева, его "Священники" и портрет генерала, "московско-парижское" полотно Бакста - "Ужин", работы Средина, ландшафты Крымова, написанные в манере гобеленов, наконец, доисторические прозрения Рериха».

<...> «Reichspost» пишет:

«...Сильное впечатление производит Рерих своими своеобразными полотнами на сюжеты из времён переселения народов». ...

В мире искусств. 1909. № 1. С. 43-48.

Публикуется в сокращении по изданию: Николай Рерих в русской периодике. Выпуск II. СПб. 2002.

Н.К. Рерих. Илья Муромец. 1908.